

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра немецкой филологии

КОНДРАТЕНКО Полина Игоревна

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ МАРКЕРОВ
ОБЩЕИЗВЕСТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКО- И
РУССКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО ЛИНГВИСТИКЕ)

Выпускная квалификационная работа бакалавра

Направление: 45.03.02. Лингвистика

Основная образовательная программа:

Теория перевода и межъязыковая коммуникация

Профиль: Немецкий язык

Научный руководитель:

Д.ф.н., профессор

Сергей Трофимович Нефедов

Санкт-Петербург

2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Научный дискурс. Высказывания с маркерами общеизвестности в научной коммуникации.....	7
1.1. К определению понятия «дискурс» в отечественной и зарубежной лингвистике.....	7
1.2. Научный дискурс и научное сообщество.....	13
1.2.1. Лингвистический дискурс.....	16
1.2.2. Когнитивный уровень лингвистического дискурса.....	17
1.3. Жанры научного дискурса.....	19
1.3.1. Жанровые классификации научного дискурса.....	19
1.3.2. Универсальная модель научной статьи.....	21
1.3.3. Лингвопрагматические аспекты научной статьи.....	24
1.4. Научный стиль («формат» научного дискурса).....	27
1.4.1. Научный стиль в русле функциональной стилистики.....	27
1.4.2. Научная коммуникация: предписания и запреты Х. Вайнриха.....	30
1.4.3. «Запрет на авторизацию» (Ich-Verbot) и его преломление в современной научной литературе.....	31
1.5. Маркеры общеизвестности в научном дискурсе.....	33
Выводы по главе 1.....	35
Глава 2. Функционально-семантическая характеристика высказываний с маркерами общеизвестности.....	37
2.1. О материале исследования.....	37
2.2. Маркеры общеизвестности: структура и семантика.....	37
2.2.1. Определение маркеров общеизвестности.....	38
2.2.2. Маркеры общеизвестности как дискурсивные (прагматические) маркеры.....	39
2.2.3. Формально-структурная характеристика маркеров общеизвестности...	41
2.2.4. Семантическая характеристика маркеров общеизвестности.....	43
2.3. Прагматические функции высказываний с маркерами общеизвестности в научных текстах.....	46

2.3.1. Апелляция автора к общеизвестному положению с целью его подтверждения.....	47
2.3.2. Апелляция автора к общеизвестному положению с целью его критики.....	49
2.3.3. Введение определения общепринятого понятия или типичного примера.....	50
2.4. Функциональная транспозиция высказываний с МО.....	51
2.5. Сочетание МО с указанием на конкретный источник информации.....	53
Выводы по главе 2.....	55
Глава 3. Высказывания с маркерами общеизвестности в сопоставительном аспекте.....	57
3.1. Лингвокультурная специфика письменной научной коммуникации.....	57
3.2. Различия в употреблении высказываний с МО в немецко- и русскоязычных научных текстах.....	60
3.2.1. Количественная асимметрия.....	60
3.2.2. Распределение высказываний с МО в тексте статьи и их функциональная асимметрия.....	61
3.3. Перенос норм одного лингвокультурного профессионального сообщества в другое.....	63
Выводы по главе 3.....	66
Заключение.....	68
Список источников и литературы.....	70
Приложения.....	79
Приложение 1. Высказывания с маркерами общеизвестности в немецкоязычных научных текстах.....	79
Приложение 2. Высказывания с маркерами общеизвестности в русскоязычных научных текстах.....	89

ВВЕДЕНИЕ

Процесс научного познания поступательно движется от старого знания к новому: интерпретируя факты, традиционные в рамках конкретного научного сообщества, авторы текстов научного дискурса сообщают новое знание об изучаемых объектах и явлениях. Построение авторских рассуждений на основании общепринятых положений находит отражение в научных текстах: апелляция авторов к старому, проверенному в научном сообществе знанию сопровождается использованием так называемых **маркеров общеизвестности**.

Научному дискурсу и нормам научной коммуникации посвящены труды многих отечественных и зарубежных лингвистов, составившие теоретическую базу настоящего исследования [Данилевская 2006; Когут 2016; Кравцова 2012; Нефедов 2015, 2016; Черненко 2013; Чернявская 2009, 2010, 2017; Baßler 2003; Breitkopf 2006; Fraser 1999, 2009; Graefen 2007; Hyland 1995, 1996; Kotthoff 2013]. При этом прагматическому потенциалу высказываний с маркерами общеизвестности в текстах лингвистического научного дискурса и маркерам общеизвестности как таковым уделялось недостаточно внимания, что и обусловило выбор темы для данной работы. Кроме того, **актуальность** последней определяется выбором дискурсивно-текстового направления исследований, а также выбором прагматического и сопоставительного подходов для изучения языковых явлений.

Объектом настоящего исследования являются лексические единицы, актуализирующие в реальных контекстах профессиональной лингвистической коммуникации значение общеизвестности и используемые авторами научных статей для маркирования общепринятых положений. В соответствии с этим, **предметом** данного исследования являются особенности употребления и функционирования высказываний с изучаемыми маркерами в текстах немецкого и русского научных лингвистических дискурсов.

Цель работы заключается в контрастивном дискурсивно-коммуникативном исследовании маркеров общеизвестности в контекстах письменного научного сообщения.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

(1) Выявить функционально-семантическую группировку средств, используемых авторами немецко- и русскоязычных текстов в функции маркеров общеизвестности, и контексты их употребления.

(2) Сопоставить употребление данных средств по частотности.

(3) Проанализировать контексты с включением маркеров общеизвестности в немецко- и русскоязычных лингвистических статьях.

(4) Изучить и описать, как реализуется прагматический потенциал высказываний с маркерами общеизвестности в текстах институциональной научной коммуникации.

(5) Выявить лингвокультурную специфику в употреблении высказываний с маркерами общеизвестности.

Исследование проводилось на **материале** научных статей по лингвистике на немецком и русском языках. Для изучения функционирования высказываний с маркерами общеизвестности были собраны два корпуса статей из ведущих академических изданий — «Zeitschrift für germanistische Linguistik» и «Вопросы языкознания».

В ходе работы применялись различные **методы** исследования: метод сплошной выборки лингвистического материала из источников, метод лингвистического наблюдения, метод лексико-семантического анализа, сравнительно-сопоставительный метод, метод дискурсивно-прагматического анализа, количественно-статистический метод.

Рабочая гипотеза. На основании сопоставительных исследований А. Брайткопф и И. Василевой [Breitkopf 2006; Breitkopf, Vassileva 2007], подтверждающих существование лингвокультурных различий в научной коммуникации, можно предположить, что частотность маркеров общеизвестности в немецко- и русскоязычных статьях по лингвистике окажется разной. Также предполагается, что высказывания с маркерами общеизвестности выполняют в текстах ряд прагматических функций и не используются авторами исключительно для того, чтобы обозначить в тексте статьи то или иное общепринятое положение или нормативное знание.

Научная новизна работы определяется выбором сопоставительного подхода к исследованию прагматических маркеров в текстах немецко- и русскоязычных статей, отражающих актуальное словоупотребление и современную ситуацию в лингвистической науке. Помимо этого, в работе впервые даётся описание структуры, семантики и дискурсивно-прагматического функционала единиц, реализующих значение общеизвестности в контекстах научного сообщения.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации точек зрения на нормы научного дискурса, которыми обуславливается употребление высказываний с маркерами общеизвестности, в развитии методики сопоставительного

описания прагматических единиц и их функционирования в научных текстах, а также в попытке дать научное описание классу изучаемых маркеров.

Практическая ценность работы определяется возможностью использования результатов исследования в учебном процессе: на лекционных и семинарских занятиях по грамматике и стилистике немецкого языка, теории текста, подготовке курсовых и выпускных квалификационных работ; при разработке учебных и научно-методических пособий.

Апробация. Основные результаты дипломного исследования были представлены на XXIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2017» (МГУ), I Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы романо-германской филологии» (Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна) и XX Открытой конференции студентов-филологов СПбГУ.

ГЛАВА 1. НАУЧНЫЙ ДИСКУРС. ВЫСКАЗЫВАНИЯ С МАРКЕРАМИ ОБЩЕИЗВЕСТНОСТИ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1.1. К определению понятия «дискурс» в отечественной и зарубежной лингвистике

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей научного дискурса, следует уточнить и конкретизировать само понятие «дискурс», которое, несмотря на частое употребление, по-разному трактуется исследователями, в зависимости от научной традиции и в соответствии с научными школами дискурсивного анализа, формировавшимися параллельно друг с другом.¹

Остановимся на основных направлениях современного анализа дискурса, описанных в статье К. Блум, Д. Дайсслера, Й. Шарлот и А. Штукенброк «Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven»:

- (1) **школа критического анализа** дискурса — «die kritische Diskursanalyse»;
- (2) **Гейдельбергская / Мангеймская группа** (школа) — «die Heidelberger / Mannheimer Gruppe»;
- (3) **Дюссельдорфская школа** — «die Düsseldorfer Schule»;
- (4) **Ольденбургский проект** — «das Oldenburger Projekt».²

Школа критического анализа дискурса (КАД) опирается на труды Мишеля Фуко, философов Франкфуртской школы, а также социологическую теорию К. Маркса и трактует дискурс как форму социальной практики³, утверждая существование «диалектического взаимодействия между отдельными дискурсивными актами и ситуациями, институтами и социальными структурами, в которые они внедрены».⁴

---

¹ Этот факт отмечается некоторыми исследователями, см.: Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 53; Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009. С. 142.; Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. Учебное пособие. М., 2010. С. 20.

² Bluhm C., Deissler D., Scharloth J., Stukenbrock A. Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven. In: Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. Vol. 31. Heft 86. 2000. S. 4–12.

³ Там же, S. 4.

⁴ Хилханова Э. В. Критический анализ дискурса: принципы, методы и практика (на примере дискурса СМИ). Вестник Бурятского государственного университета, № SA/2012. С. 136.

Такое понимание обуславливает задачи, стоящие перед исследователями данного направления:

- (1) установление взаимосвязей между языковыми средствами и конкретными дискурсивными практиками;
- (2) объяснение взаимодействия между дискурсивными практиками и политической, социальной действительностью.⁵

Критический анализ дискурса практикуется учёными из разных стран: среди видных представителей направления можно назвать Дуйсбургскую школу КАД — З. Йегера и Й. Линка, Венскую школу КАД и Р. Водак, Голландскую школу КАД и Т. А. Ван Дейка.

Представители Гейдельбергской / Мангеймской группы Д. Буссе и В. Тойберт операционализировали понятие «дискурс», трактуя его с опорой на корпусную лингвистику: в работе «Linguistische Diskursanalysen: neue Perspektiven» представлен взгляд авторов на дискурсы как на виртуальные корпуса текстов, отвечающие определённым содержательным (семантическим) критериям в самом широком смысле — «virtuelle Textkorpora, deren Zusammensetzung durch im weitesten Sinne inhaltliche (bzw. semantische) Kriterien bestimmt wird».⁶ Среди таковых перечислены:

- (1) общность предмета исследования, темы, комплекса знаний или концептов в текстах, составляющих дискурс; наличие семантических взаимосвязей и / или общность ситуации коммуникации, текстовых функций;
- (2) общность временных и локальных параметров, коммуникативной сферы, участников коммуникации; принадлежность текстов к определённому типу;
- (3) наличие в текстах эксплицитных или имплицитных отсылок — интертекстуальных взаимосвязей.⁷

Таким образом, корпус может составить определённый тип текстов, ограниченный по времени, по теме или каким-либо иным способом.

По мнению Т. Нира, в определении Д. Буссе и В. Тойберта подчёркивается транстекстовый характер дискурса и эксплицируется необходимость его

---

⁵ Bluhm C., Deissler D., Scharloth J., Stukenbrock A. Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven. In: Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. Vol. 31. Heft 86. 2000. S. 4.

⁶ Busse D., Teubert W. Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven. Wiesbaden, 2013. S. 16.

⁷ Там же, S. 17.

«материализации» в виде виртуальных текстовых корпусов, без которой анализ дискурса не представляется возможным.⁸

В концепции учёных Гейдельбергской / Мангеймской группы дискурсивный анализ использует методологический аппарат лексической, синтаксической семантики и семантики текста, при этом в фокусе исследований оказываются конкретные основные понятия или ключевые слова дискурса и их системная организация.⁹

Интерпретации дискурса в границах Дюссельдорфской школы базируются на работах Д. Буссе и В. Тойберта, однако характеризуются более конкретной, эмпирической направленностью. Руководствуясь целью оптимизировать изучение дискурса и операционализировать понятие «дискурс» в лингвистике, М. Юнг предлагает дифференцировать дискурсы по трём признакам (основа так называемой «Würfelmodell» Юнга — «модели куба»)¹⁰:

(1) по **содержанию** — в рамках одного «общего» дискурса («Gesamtdiskurs») выделяются частные дискурсы («Teildiskurse»), тематически более узкие. Например, в общем эколого-политическом дискурсе можно выделить частный дискурс на тему изменений климата.

(2) по **сфере коммуникации** — такое различие предполагает, что высказывания, относящиеся по теме к одному и тому же дискурсу, могут реализовываться в различных коммуникативных сферах, к примеру, в рамках устного или письменного общения политических групп.

(3) по **типам текстов** (Textsorten) — высказывания, относящиеся к конкретному дискурсу, могут получить реализацию в различных типах текстов: ср. комментарий в прессе о проблемах окружающей среды или выступление по телевидению на аналогичную тему.¹¹

В отличие от Буссе и Тойберта, Юнг определяет дискурс как совокупность отношений между тематически связанными комплексами высказываний, что позволяет сконцентрировать внимание на взаимосвязях между конкретными утверждениями или

---

⁸ Niehr Th. Einführung in die linguistische Diskursanalyse. Darmstadt, 2014. S. 31.

⁹ Bluhm C., Deissler D., Scharloth J., Stukenbrock A. Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven. In: Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. Vol. 31. Heft 86. 2000. S. 8.

¹⁰ Там же, S. 10.

¹¹ Фадеева Г. М. «Лексикон — текст — дискурс» с позиций исследовательской практики. Вестник МГЛУ: Гуманитарные науки. 2009. С. 93–94.

«топосами» (Торoi). Также Юнг открыто постулирует иерархию единиц анализа: «фонема — слово — предложение — текст — дискурс», невзирая на то, что дискурс едва ли можно назвать строго вычленимой и, тем более, лингвистической, единицей анализа.

Определение дискурса, сформулированное ольденбургской рабочей группой в рамках проекта «Ethik-Diskurse: Praktiken öffentlicher Konfliktaustragung», восходит к трактовкам Буссе, Тойберта и Юнга, рассмотренным выше. Исследователи данного направления полагают дискурс некоей величиной, составленной из связанных и соотнесённых между собой текстов. Таким образом, можно говорить о понимании дискурса как «супертекста» или гипертекста — особой категории, служащей для описания и интерпретации диалогических и интертекстуальных связей между отдельными текстами. Относительно содержательной стороны, дискурсы рассматриваются в качестве индикаторов исторических и социальных изменений.¹²

Анализ теоретических концепций в русле дискурсивного анализа, проведённый В. Е. Чернявской, позволяет говорить о наложении термина «дискурс», привнесённого в отечественную лингвистику из различных зарубежных школ, на уже сформировавшиеся традиции функционально-стилистического анализа речевых произведений. Это повлекло за собой достаточно эклектичное употребление данного термина в работах российских исследователей «без последовательной опоры на стоящие за этим термином разные теории».¹³

В «Словаре лингвистических терминов», составленном Т. В. Жеребило, приводится не менее четырёх различных трактовок термина «дискурс». Так, под дискурсом понимается:

- (1) связная речь в устной и письменной форме;
- (2) конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном пространстве;
- (3) текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом;

---

¹² Bluhm C., Deissler D., Scharloth J., Stukenbrock A. Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven. In: Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. Vol. 31. Heft 86. 2000. S. 13.

¹³ Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М., 2009. С. 142.

(4) интегративная совокупность текстов, связанных семантическими отношениями и объединённых в коммуникативном и функционально-целевом отношении.¹⁴

В то время как для определения (1) существенной является коммуникативная форма высказывания, в определении (2) акцент смещён на событийный характер дискурса: согласно Т. А. ван Дейку, дискурс выходит за рамки конкретного языкового высказывания — текста или диалога — и включает в себя личностные и социальные характеристики говорящего (пишущего) и слушающего, а также другие аспекты социальной ситуации, становясь сложным коммуникативным событием, в котором можно выделить более мелкие единицы — коммуникативные акты.¹⁵ Связь дискурса с ситуативным контекстом подчёркивается и в определении (3), однако в нём же ставится знак равенства между понятиями «дискурс» и «текст». В фокусе определения (4), в отличие от прочих, рассмотренных выше, оказываются тексты, составляющие дискурс, а именно, их семантические взаимосвязи, коммуникативное и функционально-целевое единство.

Следует отметить, что с определением (4) сходно определение дискурса, данное Ю. Шпитцмюллером и И. Варнке в работе «Diskurslinguistik»¹⁶. Анализируя связи между понятиями «текст», «корпус», «знание» и «дискурс», авторы постулируют дискурс как транстекстовое объединение высказываний и их фрагментов на всех уровнях языка (от морфемного до текстового), связанных семантически и тематически.¹⁷ Сопоставление данного определения с приведёнными выше позволяет говорить о близости взглядов на дискурс Шпитцмюллера и Варнке пониманию дискурса Юнгом.

В. Е. Чернявская предлагает разграничить, по меньшей мере, два рабочих определения понятия «дискурс»:

(1) Дискурс как конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве;

---

¹⁴ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010. С. 94–95.

¹⁵ ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 122.

¹⁶ Spitzmüller J., Warnke I. H. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin/Boston, 2011.

¹⁷ Там же, S. 16–33.

(2) Дискурс как совокупность тематически соотнесённых текстов, причём содержание (тема) дискурса раскрывается не в отдельном, конкретно взятом тексте, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих текстов, составляющих дискурс.¹⁸

Как видим, определение (1) дословно повторяет формулировку (2) из словаря Т. В. Жеребило, а определение (2) частично сближается с определением (4) из словаря, утратив, впрочем, упоминание о коммуникативном и функциональном единстве текстов в рамках дискурса.

Предварительно сформулированные определения получают дальнейшее развитие: «Под Дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую — ту, а не иную — упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте. Дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определённой формальной структуры — текста.»¹⁹.

Помимо чёткого разделения понятий «функциональный стиль — текст — дискурс», следующего из приведённого определения,²⁰ В. Е. Чернявская, также, отмечает, что, исходя из задач, поставленных в исследовании, дискурс можно рассматривать, в одном случае, как отдельное конкретное коммуникативное событие, в другом, как интегративную совокупность коммуникативных актов, сложившуюся на основе тематической общности ряда текстов.

Упоминание в определении В. Е. Чернявской социальных, культурно-исторических и других факторов отсылает нас к определению Н. Д. Арутюновой из «Большого энциклопедического словаря»: «Дискурс (от франц. discours — речь) — связанный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания

---

¹⁸ Там же, с. 143–146.

¹⁹ Там же, с. 147.

²⁰ Подробнее о соотношении понятий «дискурс — текст», «дискурс — функциональный стиль» см.: Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. Учебное пособие. М., 2010. С. 11–22.

(когнитивных процессах)».²¹ Следует обратить внимание и на то, что Н. Д. Арутюнова, в отличие от авторов, определения которых мы рассматривали выше, особо отмечает интенциональность дискурса как социального действия, обусловленность его намерением отправителя речи и образно называет дискурс «речью, погружённой в жизнь».²²

Из множества определений понятия «дискурс», существующих в современной лингвистике, мы склонны придерживаться определения, предложенного Ю. Шпитцмюллером и И. Варнке, которое отражает понимание дискурса как совокупности тематически взаимосвязанных высказываний и их фрагментов и акцентирует транстекстовую природу дискурса.

1.2. Научный дискурс и научное сообщество

Ранее мы установили, что дискурс представляет собой транстекстовое объединение высказываний, связанных семантически и функционально; выход дискурса за рамки текста подразумевает его интегрированность в социальный контекст и в ситуацию общения. Для изучения последней В. И. Карасик предлагает выделить следующие прагма- и социолингвистические категории:

- (1) **участники** общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики);
- (2) **условия** общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда);
- (3) **организация** общения (мотивы, цели и стратегии, развёртывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств);
- (4) **способы** общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения).²³

Далее В. И. Карасик проводит дифференциацию дискурсов и выделяет типы **личностного** и **институционального** дискурса, исходя из статусно-ролевых характеристик коммуникантов.²⁴

---

²¹ Н. Д. Арутюнова. Дискурс. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1998. С. 136–137.

²² Там же.

²³ Карасик В. И. О категориях дискурса. Тверской лингвистический меридиан. Тверь, 2007. С. 59.

²⁴ Там же, с. 61.

Под **институциональным** дискурсом понимается «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами социума»²⁵. В нормах институционального дискурса отражены ценности как общества в целом, так и конкретной группы индивидуумов, образующих институт.

Разновидности статусно-ориентированного или институционального общения принято выделять в соответствии со сложившимися в обществе институтами (армия, органы судебной власти, образовательные учреждения и др.), поэтому в качестве одного из определяющих критериев для выявления жанровых и стилистических особенностей дискурса следует рассматривать систему общественных институтов в социуме.

В концепции В. И. Карасика возможна градация институциональности дискурса. Так, его ядром является общение пары коммуникантов со статусным неравенством (в терминах В. И. Карасика, коммуникация в паре «агент — клиент»: учитель — ученик, преподаватель — студент, врач — пациент), с одной стороны, и общение равных по статусу коммуникантов между собой, с другой стороны («агент — агент»), в то время как к периферии относится контакт представителя института с индивидуумом, к не имеющим отношения к данному институту²⁶ («агент — маргинал»: математик — лингвист).

Относительно современного общества В. И. Карасик выделяет следующие виды статусно-ориентированной коммуникации / институциональных дискурсов: политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, массово-информационный и научный.

Е. В. Кравцова в статье «Научный дискурс как вид институционального типа дискурса» проецирует определение институционального общения, данное В. И. Карасиком, на научный дискурс: «Научный институциональный дискурс — это определенным образом клишированная разновидность общения между учеными, которые могут и не быть знакомы лично, но вынуждены взаимодействовать в соответствии с нормами социума, который можно определить как научное

---

²⁵ Там же, с. 62.

²⁶ Карасик В. И. О категориях дискурса. Тверской лингвистический меридиан. Тверь, 2007. С. 63.

сообщество».²⁷ В ряду особенностей, характеризующих научный дискурс, автор выделяет:

- (1) **соотнесённость уровня подготовки** аудитории с уровнем подготовки автора текста — по всей видимости, данное положение верно лишь для ядра научного дискурса; в ситуации периферийного общения с индивидуумами, не имеющими отношения к институту науки, едва ли можно говорить о (приблизительно) равном уровне подготовленности коммуникантов;
- (2) **принцип статусного равноправия участников** — примечание к (1) сохраняет свою силу и в этом случае.

Вслед за В. И. Карасиком, Е. В. Кравцова полагает **целью научного дискурса** процесс производства нового знания о предмете или явлении, который получает вербальное оформление и регламентируется коммуникативными канонами научного общения — логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстракцией предмета речи.²⁸ Доказательство истинности своей точки зрения в процессе познания является основной задачей автора научного дискурса, по мнению исследователя.²⁹

Проводя в монографии «Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation» всесторонний анализ научной статьи как типа текста, Г. Грэфен также уделяет внимание и научному дискурсу, определяя его как разновидность языкового действия, в котором научная сфера получает свою реализацию как общественно релевантная задача.³⁰ «Носителем» научного дискурса становится научное сообщество (scientific community), которому свойственны:

- (1) **равенство социального положения** его членов;
- (2) **стабильность уровня базовой научной подготовки;**
- (3) **формальное единство уровня образования** членов сообщества;
- (4) **преимущества возможного междисциплинарного обмена знаниями** (и его эпизодическое осуществление на практике);
- (5) **вклад учёных одной области в другие отрасли науки.**³¹

---

²⁷ Кравцова Е. В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса. Вестник ЮУрГУ. № 25. 2012. С. 131.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 130.

³⁰ Graefen G. Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation. Frankfurt am Main, 1997. S. 73.

³¹ Там же, S. 82.

При этом научное сообщество как группу коммуникантов характеризуют:

- (1) **общность коммуникативных целей** участников;
- (2) наличие **единого общего языка науки**;
- (3) **дальнейшее развитие профессиональных языков** по одним и тем же принципам;
- (4) использование одних и тех же **конвенциональных типов текста** для публикации результатов научных исследований.³²

Итак, научная коммуникация как действие регламентируется правилами и традициями, устоявшимися в соответствующих институтах социума на данном этапе его развития. Прагмалингвистические факторы, характеризующие ситуацию научной коммуникации: статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики её участников, условия, организация и способы общения обусловили своеобразие научного стиля.

1.2.1. Лингвистический дискурс

Поскольку материалом настоящего исследования являются научные статьи по лингвистике, в данной главе будет целесообразным привести не только анализ специфических черт, свойственных научному дискурсу в целом, но и дать характеристику лингвистическому дискурсу в частности, опираясь на работы исследователей, соответствующие данной тематике.

Пользуясь категориями для анализа (институционального) дискурса, предложенными В. И. Карасиком, Д. А. Журавлёва характеризует лингвистический дискурс по двум параметрам — с учётом роли и статуса участников, а также цели и организации общения.

Так, к агентам научного лингвистического дискурса будут относиться квалифицированные специалисты в данной научной сфере: исследователи, преподаватели, специалисты в области теории и практики перевода, занимающиеся активным изучением языка. При внешнем равенстве положения коммуникантов относительно поиска истины в лингвистической сфере агенты лингвистического дискурса обладают разным авторитетом в своей области.

---

³² Там же, S. 87.

Множество клиентов лингвистического дискурса образовано непосредственно представителями целевой аудитории, заинтересованной в получении научной информации по вопросам лингвистики. Таким образом, клиентами являются в первую очередь студенты средних специальных и высших учебных заведений, изучающие родной или иностранные языки, а также учащиеся общеобразовательных учреждений. Д. А. Журавлёва особо отмечает вхождение в ряд клиентов такой категории, как молодые исследователи-языковеды, которые оказываются, по мнению автора, самыми активными потребителями текстов агентов. В статье также подчёркивается, что агенты лингвистического дискурса могут выступать по отношению друг к другу как клиенты, когда они занимаются изучением трудов коллег и ссылаются на работы других авторов в своих текстах.

Цель научного лингвистического дискурса Д. А. Журавлёва видит в «процессе вывода нового знания о языковых явлениях, их категориях и признаках и в выведении новых способов их исследования»³³, замечая, что основная функция лингвистического дискурса — метаязыковая, так как в нём предпринимаются попытки объяснения языка через сам язык.

1.2.2. Когнитивный уровень лингвистического дискурса

Итак, целью научного лингвистического дискурса является производство нового знания. Однако следует помнить о том, что новое знание о языковых явлениях выводится с опорой на старое, уже существующее в коллективном фонде знаний лингвистического научного сообщества. Как замечает В. Е. Чернявская, деятельность исследователей ведётся на стыке бесспорного, достоверного знания, составляющего ядро науки (т. наз. «эвидентный базис» науки³⁴) и определяющего направление процесса

---

³³ Журавлёва Д. А. Лингвистический дискурс: к проблеме определения позиции в дискурсивной типологии. Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2010. С. 61.

³⁴ В соотнесении с обозначением «эвидентный базис науки» можно рассматривать социолингвистический термин общеизвестного / общего знания (common shared knowledge / common ground) в трактовке Дж. Дж. Гамперца: «Common ground can roughly be described as shared information that, along with linguistic knowledge, participants in an encounter rely on assessing what a speaker intends to convey at any one time in a particular set of circumstances.» — «В целом, общеизвестное знание можно описать как распространённую в рамках определённого сообщества информацию, воспринимая которую участники общения могут понять, что имел в виду автор высказывания в данное время и в данных обстоятельствах» — *перевод П. К. Gumperz J. J. Sharing Common Ground. Tübingen, 2002. S. 47.* Описывая то, как функционирует общеизвестное знание в речи, Дж. Дж. Гамперц делает акцент на роли

познания, и «здесь и сейчас недоказанного»³⁵ нового знания, которое объективируется в исследовательском тексте и вступает в диалектические отношения со старым знанием.

Н. В. Данилевская в своей диссертации³⁶ выделяет следующие критерии, служащие для оценивания компонента знания на предмет его известности / неизвестности:

(1) **интертекстуальная определённость** знания — имеем ли мы дело с научно известным или «чужим» знанием, или же квалифицируем определённый компонент знания как научно новое / индивидуально авторское / «своё», «персонифицированное» знание.

(2) **интратекстуальная (коммуникативная) определённость** знания — коммуникативно известное / выраженное в данном тексте знание или коммуникативно неизвестное / впервые выражаемое в данном тексте знание.³⁷

Отношения между «чужим» и «своим» знанием находят отражение непосредственно в научных текстах, при этом компоненты старого и нового знания могут материализовываться в тексте имплицитно или же находить выражение посредством специальных средств (к таковым относятся маркеры общеизвестности). Н. В. Данилевская особо подчёркивает тот факт, что в отличие от единиц, относящихся к области грамматики текста (сверхфразовые единства, абзацы, компоненты старого и нового знания соотносятся с экстралингвистическими факторами научной деятельности и способствуют объяснению закономерностей, по которым создаётся текст в профессиональном научном общении.³⁸

коммуникативных (дискурсивных практик), участвующих в формировании общего знания и отражающих ряд экстралингвистических факторов, а также контекстов, появлению которых способствовало длительное взаимодействие между участниками общения, направленное на достижение общих целей. (Там же, с. 49.).

³⁵ Чернявская В. Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М., 2017. С. 76.

³⁶ Данилевская Н. В. Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аксиологический аспект): автореф. дисс. докт. филол. наук. Екатеринбург, 2006.

³⁷ Там же, с. 11.

³⁸ Там же, с. 12.

1.3. Жанры научного дискурса

1.3.1. Жанровые классификации научного дискурса

В статье «Formen der Wissenschaftssprache» 1989 года Х. Вайнрих характеризует состояние исследования типов / жанров текста в области научной коммуникации как «большое белое пятно»³⁹, перечисляя некоторые жанровые разновидности научной литературы, такие как монография, учебник, справочное пособие, отраслевой словарь, комментарий, биография, библиография и др. В настоящее время изучение жанров научного дискурса представляет собой продуктивное направление исследований; в этой связи необходимо упомянуть работы таких учёных, как С. Гюнтер и Х. Кноблаух⁴⁰, Г. Грэфен⁴¹ и В. Тильманн⁴², И.-А. Буш-Лауэр⁴³, Х. Басслер⁴⁴.

При этом Х. Басслер и П. Ауэр указывают на важность изучения не только традиционных письменных и соответствующих им устных разновидностей коммуникации в научном сообществе, но и таких жанров, как, например, рекомендации и рецензии разного рода, решения Учёного совета, слушания докладов и, не в последнюю очередь, более или менее неформальные диалоги между коллегами, обрамляющие официальные научные мероприятия. Ситуации общения, в которых реализуются перечисленные жанры, также имеют отношение к коммуникационному пространству, в котором развёртывается научный дискурс.⁴⁵

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» отмечается, что научный стиль может реализовываться в **крупных** и **малых** жанрах научной

---

³⁹ «Die Textsortenforschung ist im Bereich der Fach- und Wissenschaftssprachforschung ein großer blinder Fleck.» — Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache. In: Jahrbuch / Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin/New York, 1989. S. 142.

⁴⁰ Günthner S., Knoblauch H. Wissenschaftliche Diskursgattungen — PowerPoint et al. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt/New York, 2007. S. 53–66.

⁴¹ Graefen G. Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation. Peter Lang, Frankfurt am Main, 1997.

⁴² Graefen G., Thielmann W. Der Wissenschaftliche Artikel. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt/New York, 2007. S. 67–98.

⁴³ Busch-Lauer, I.-A. Abstracts. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt/New York, 2007. S. 99–114.

⁴⁴ Baßler H. Diskussionen nach Vorträgen bei wissenschaftlichen Tagungen. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt/New York, 2007. S. 133–156.

⁴⁵ Auer P., Baßler H. Der Stil der Wissenschaft. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt/New York, 2007. S. 23.

литературы: к **крупным** М. Н. Кожина относит монографию, диссертацию, энциклопедию, словарь, справочник, учебники и учебные пособия, в то время к в группу **малых** жанров входят статья, реферат, аннотация, тезисы, обзор, рецензия, хроника и др.⁴⁶

В словарной статье даётся эксплицитное указание на существование различных оснований для классификации жанров. Так, по степени обобщения научного материала выделяются **первичные** — нацеленные на первичное изложение результатов научных исследований — и **вторичные** научные произведения, которые имеют своей целью информировать читателя о конечных результатах исследований, полученных в ходе осмысления и переработки первичных текстов.

С точки зрения композиции, научные тексты могут подразделяться на произведения с **жёстко фиксированной структурой** (патенты, стандарты и др.) и **«свободной», «открытой» структурой** (статьи, монографии, тезисы и др.). Выделяются также и переходные формы с регламентированной, но не столь жёстко, как, например, в случае с патентом, структурой (реферат, аннотация).

Помимо вышеупомянутых возможностей классификации в статье уделено особое внимание полевому подходу к жанровой структуре научного стиля, реализованному в работах Е. С. Троянской. В рамках данного подхода научный стиль обретает три зоны: ядерную, периферийную и пограничную. **Ядро** составляют такие жанры, как статья, монография, диссертация, тезисы — именно эти жанровые разновидности признаются ведущими: в них сообщается новое научное знание и в них же наиболее явно проступают основные черты научного стиля. Жанры, в которых стилистические особенности языка науки выражены слабее, вынесены на **периферию**, к таковым относятся: реферат, аннотация, рецензия, справочники, отзыв, курс лекций и др. Самую неоднородную, **пограничную зону** образуют жанры, сочетающие в себе особенности различных стилей: например, в патенте черты научного стиля совмещаются с характеристиками официально-делового стиля.⁴⁷

В. Е. Чернявская предлагает иную классификацию жанров (у автора — типов) научных текстов, основанную на выделении доминирующих текстовых функций, в соответствии с чем выделяются:

---

⁴⁶ Кожина М. Н. Жанры научной литературы. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. С. 57.

⁴⁷ Кожина М. Н. Жанры научной литературы. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. С. 58.

- (1) **академические** (научно-теоретические) тексты, создаваемые для вербализации нового знания и реализации исследовательских целей (диссертация, монография, статья, тезисы);
- (2) **научно-информационные** тексты (реферат, аннотация, резюме);
- (3) **научно-критические** тексты (рецензия, отзыв, обзор);
- (4) **научно-популярные** тексты, целью которых является массовое распространение избранных результатов научного познания (научно-популярная статья);
- (5) **научно-учебные** тексты, преследующие дидактические цели (учебник, учебное пособие, методические рекомендации, курс лекций).⁴⁸

1.3.2. Универсальная модель научной статьи

Ранее было установлено отнесение научной статьи к основным жанрам, в которых реализуется научный стиль, в соответствии с этим определяются и цели статьи как жанра / типа текста: статья как продукт институционального научного дискурса сообщает и распространяет новое знание в рамках научного сообщества, тем самым способствуя развитию конкретной научной дисциплины. При этом новое знание предстаёт в статье в своих связях со знанием, которое носит для научного сообщества статус общеизвестного.⁴⁹

Определяя научную статью (мультимедийную презентацию, тезисы и др.) как «коммуникативный жанр», С. Гюнтнер и Х. Knoblauch конкретизируют данное понятие. Под «коммуникативным жанром», таким образом, понимается общественно установленное и формализованное течение коммуникации, которое облегчает участникам общения решение коммуникативных задач. С одной стороны, коммуникативные жанры предлагают участникам общения в некотором роде универсальные схемы действий, с другой стороны, чёткая структура, задаваемая коммуникативными жанрами, упорядочивает коммуникативные действия, совершаемые участниками.⁵⁰

---

⁴⁸ Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. С. 38–39.

⁴⁹ Graefen G., Thielmann W. Der Wissenschaftliche Artikel. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt/New York, 2007. S. 72.

⁵⁰ Günthner S., Knoblauch H. Wissenschaftliche Diskursgattungen — PowerPoint et al. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Campus Verlag, Frankfurt/New York. 2007. S. 55.

Структура научной статьи может варьироваться в зависимости от отрасли науки, в рамках которой создаётся текст, а также в зависимости от традиций, сложившихся в конкретном научном сообществе. Нередко варьирование носит лингвокультурный характер (более подробно о лингвокультурных различиях речь пойдёт в п. 1.5. настоящей главы).

Тем не менее возможно выделение условно общей структуры для прототипической статьи вне зависимости от научной дисциплины. Описывая универсальную модель научной статьи, Т. Н. Хомутова отмечает сложность и иерархическую организацию информационной структуры научных текстов, выделяя следующие уровни:

(1) **Смысловая структура** — репрезентация языкового, когнитивного, культурного и социального компонентов в форме соподчинения тем и подтем. Смысловая структура есть не что иное как глобальная семантическая **макроструктура** текста. Макроструктуры позволяют свести сложное и разветвлённое значение структуры текста к более простому и абстрактному значению: конкретное содержание отдельно взятой статьи получает обобщённое семантическое описание в категориях: «проблема-решение», «общее-частное» и т. п.

(2) **Грамматическая структура**, организующая общее содержание текста и выражающая когнитивные элементы макроструктуры средствами языка.⁵¹

Макроструктура русскоязычной научной статьи традиционно состоит из шести частей, каждая из которых обладает собственным определённым значением:

(1) в **заголовке** лаконично выражается основная идея статьи;

(2) **аннотация** знакомит читателя с содержанием текста;

(3) **введение** включает в себя обоснование целей и задач, стоящих перед автором статьи, объекта и методов исследования; также во введении излагается вводная информация и сжато даётся история вопроса исследования;⁵²

---

⁵¹ Хомутова Т. Н. Структура научной статьи. Наука ЮУрГУ. Материалы 67-й научной конференции. Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2015. С. 924.

⁵² Работая с корпусом статей, освещающих вопросы гуманитарных наук, Г. Грэфен и В. Тильманн отмечают, что введение принято начинать с описания общественной проблематики, связанной с избранной темой; затем обязательно следует указание на недостаточную изученность вопроса

(4) **основная часть** характеризуется чёткостью и полнотой изложения; в ней отражается процесс исследования, его актуальность и новизна;

(5) в **заключении** подводятся итоги исследования: суммируются результаты, указываются область их потенциального применения и перспективы для дальнейшей работы, оценивается теоретическая и практическая значимость исследования;

(6) в конце статьи даётся **список литературы**.⁵³

Некоторые авторы проводят более дробное членение композиционной структуры научного сообщения. Так, в качестве текстовой единицы организации научной статьи В. Е. Чернявская выделяет **композиционно-прагматический сегмент (КПС)** — компонент смыслового уровня текста, выражаемый на поверхностном уровне и определяемый познавательными и коммуникативными действиями автора.⁵⁴ В универсальную модель научной статьи включаются следующие основные КПС: характеристика темы / предмета исследования; история вопроса; постановка целей и задач исследования; формулировка проблемы; выдвижение гипотезы; доказательство; описание эксперимента; выводы; научный прогноз.⁵⁵ КПС, как правило, имеют типовое содержание и вводятся в текст с помощью стандартизованных средств, что облегчает реципиенту восприятие научного сообщения.

Знание универсальной макроструктуры и типичных КПС научной статьи позволяет участнику коммуникации не только успешно вычленять и обрабатывать информацию, содержащуюся в других научных текстах, но и самостоятельно производить тексты, отвечающие коммуникативным ожиданиям реципиентов.

исследования, и, завершая вводный элемент структуры, автор статьи рассматривает объект исследования, комментирует выбранные методы, ход исследования и т. п. — Graefen G., Thielmann W. Der Wissenschaftliche Artikel. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt/New York, 2007. S. 80.

⁵³ Хомутова Т. Н. Структура научной статьи. С. 925.

⁵⁴ Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. С. 69.

⁵⁵ Там же, с. 71.

1.3.3. Лингвопрагматические аспекты научной статьи

В данном разделе мы подробнее остановимся на рассмотрении особенностей создания и рецепции немецкоязычной научной статьи, выделяемых в работах зарубежных германистов.

По мнению Г. Грэфен, научную статью характеризует её отдаление от канонической речевой ситуации: хронотоп говорящего (автора текста) не совпадает с хронотопом восприятия, к тому же высказывания автора не имеют конкретного адресата.⁵⁶ Вместе с тем роль адресата особо выделена в другой работе Грэфен, и такое выделение мотивировано тем, что успех научной статьи во многом зависит от того, какое количество адресатов, обладающих достаточной компетенцией для восприятия научного текста, вдумчиво его прочитают и в дальнейшем положат в основу собственных исследований или, по меньшей мере, будут ссылаться на прочитанную статью в своих текстах.⁵⁷

Исследователями также отмечается тот факт, что в своих статьях немецкие авторы зачастую используют специальные языковые средства, чтобы создать у читателя впечатление соприсутствия, и как бы вести реципиента по этапам своих действий, от одного речевого действия к другому.⁵⁸ Такой эффект достигается, с одной стороны, за счёт использования единиц темпорального дейксиса (*nun, zuerst, ab jetzt, soeben, bisher, später...*), с другой стороны, ему немало способствует представление более ранних действий как завершённых (*Nachdem wir soeben Allyl-Kationen mit einer stark nucleophilen Gruppe (Y=SMe) betrachtet haben, wenden wir uns nun dem Fall Y=H zu.*)⁵⁹, а также использование модальных и перформативных глаголов в высказываниях, предваряющих ввод следующего действия в статье (*Im Folgenden sollen die wichtigsten Interpretationsmuster für Macht- und Einflußstrukturen im politischen System Japans vorgestellt werden. / Im vorliegenden Beitrag werde ich mich auf die Fortschritte seit... konzentrieren.*)⁶⁰

---

⁵⁶ Graefen G. Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation. Frankfurt am Main, 1997. S. 28–29.

⁵⁷ Graefen G., Thielmann W. Der Wissenschaftliche Artikel. S. 67.

⁵⁸ Там же, S. 89.

⁵⁹ Там же, S. 91.

⁶⁰ Там же, S. 90.

В соответствии с упомянутой в п. 1.3.1. целью, на осуществление которой направлена научная статья, и описанной выше особой ролью критически мыслящего адресата можно утверждать, что основные задачи автора статьи заключаются в:

- (1) открытии и сообщении нового знания;
- (2) аргументированном и, как следствие, убедительном доказательстве его истинности;
- (3) получении одобрения подтверждённого знания со стороны научного сообщества.

Представляя и обосновывая свою концепцию, автор прибегает к общей коммуникативной стратегии самопрезентации, в которой, согласно Е. Л. Заниной, доминирующими оказываются частная стратегия презентации авторской позиции, использующая тактики, направляемые на категоричное изложение собственной позиции, и частная персуазивная стратегия, ориентированная на убеждение адресата в истинности излагаемых фактов.⁶¹ Нередко, во избежание конфликтных ситуаций в коммуникации и для сохранения «лица»⁶² при сообщении новых знаний, авторы прибегают к стратегии смягчения собственных формулировок (Wenn man will, kann man diesen Konstituenten einen Klassennamen geben (z. B. Adverbial), aber da es sich hierbei um eine sehr heterogene Gruppe handelt, ist es *vielleicht* besser, darauf zu verzichten und vielmehr die syntaktischen Eigenarten dieser unterschiedlichen Elemente anzuerkennen.⁶³). Такое осторожное выражение нерешительности или возможности, присущее письменному научному общению и используемое для представления нового знания перед научным сообществом, в англоязычной традиции называется «хеджингом» — «hedging»⁶⁴ (от англ. «hedge» — ограждать, уклоняться; т. е., в

---

⁶¹ Занина Е. Л. Обучение коммуникативной стратегии смягчения позиции автора в научной статье (на материале научных статей по теории менеджмента). Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихолингвистический анализ. М., 2013. С. 108.

⁶² Здесь имеется в виду коммуникативная стратегия, направленная на поддержание своего имиджа и имиджа других коммуникантов, известная как «face work» в англоязычной традиции [Goffman, Brown/Levinson] и как «Imagearbeit» в русле Gesprächsanalyse [Holly]. — Holly, W. Beziehungsmanagement und Imagearbeit. In: HSK 16.2, S. 1382–1393. S. 1386.

⁶³ Neef M. Satzgliedfunktionen im Deutschen: eine realistische Weiterentwicklung. In: Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2014. 42(3). S. 453.

⁶⁴ Hyland K. Writing without conviction? Hedging in scientific research articles. Applied Linguistics 17 (4). 1996. P. 433.

буквальном переводе на русский язык, — «ограждение», «уклонение», «барьер»). В последнее десятилетие этот термин всё чаще появляется и в отечественной лингвистике.

К. Хайленд в статье «The Author in the Text: Hedging Scientific Writing» утверждает многофункциональность хеджинга: во-первых, использование данной стратегии позволяет уточнить высказывание, делая его менее общим, — по мнению Хайленда, авторы статьи скорее предпочтут формулировку: «Вероятно, Y является следствием X» формулировке: «Y является следствием X».⁶⁵

Вторая причина, по которой авторы текстов прибегают к хеджингу, происходит из упомянутого ранее стремления сохранить «лицо» в коммуникации: тогда такие разновидности хеджинга, как модальные слова, страдательный залог или метонимический перенос действий, совершаемых автором, на неодушевлённые сущности (как, например, это нередко происходит с подлежащими «текст», «статья»: «Статья рассматривает явление вариативности в русском языке XVII–XVIII веков на материале русской части «Номенклатора на латинском, русском и немецком языке», изданного в 1700 году в Амстердаме Ильей Копиевским (Копиевичем), и его позднейших переизданий.»⁶⁶) используются для того, чтобы затемнить связь между высказыванием и пишущим.

Помимо того, хеджинг способствует установлению контакта и последующей кооперации между адресантом и адресатом: простые категоричные утверждения не оставляют пространства для диалога, тем не менее, мнение реципиента как соавтора по институциональному дискурсу имеет для автора научной статьи огромное значение: именно реципиент ратифицирует сообщаемое новое научное знание и судит о соответствии текста нормам и традициям научного дискурса.⁶⁷

---

⁶⁵ Hyland K. The Author in the Text: Hedging Scientific Writing. Hong Kong Papers in Linguistics and Language Teaching, 18/1995. P. 34.

⁶⁶ Кузнецова И. Е. Отражение вариативности языковых единиц в «Номенклаторе» И. Копиевского. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 2. М., 2014. С. 463.

⁶⁷ Hyland K. The Author in the Text: Hedging Scientific Writing. P. 35.

1.4. Научный стиль («формат» научного дискурса)

1.4.1. Научный стиль в русле функциональной стилистики

Поднимая вопрос о жанрово-стилистической категоризации дискурса, В. И. Карасик предлагает заменить термин «функциональный стиль», представляющийся исследователю не самым удачным, обозначением «формат дискурса». Под форматом дискурса понимается его разновидность, «выделяемая на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств»⁶⁸ и конкретизируемая, в свою очередь, жанрами речи. Однако в силу недостаточной аргументации в пользу терминологической замены подобного рода, в дальнейшем мы будем пользоваться понятиями, сложившимися в традиции функциональной стилистики.

Функциональные стили в лингвистике рассматриваются как производные от функций языка — общение, сообщение и воздействие⁶⁹, сферы его употребления в конкретном экстралингвистическом контексте, в соответствии с чем выделяются обиходно-разговорный, официально-деловой, научный, художественный, публицистический и религиозный стили. Научный функциональный стиль представляет «научную сферу общения и речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания»⁷⁰; он репрезентирует понятийно-логическое мышление, характеризующееся высоким уровнем абстракции и объективности.

Экстралингвистические факторы обусловили конструктивный принцип — обобщённо-отвлечённость в совокупности с насыщенностью речи терминами — и основополагающие стилевые черты научного стиля: **абстрактность (обобщённость), логичность, точность (ясность), объективность и коммуникативную направленность**. Научная речь носит книжный характер; употребление разговорных и эмотивных элементов в ней нежелательно, однако их полное исключение из текста немислимо ввиду включённости эмотивного компонента в процесс человеческого мышления и познания.

---

⁶⁸ Карасик В.И. О категориях дискурса. С. 63.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Кожина М. Н. Научный стиль. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. С. 242.

(1) **Отвлечённо-обобщённый** характер научного стиля достигается посредством использования языковых единиц, обладающих обобщённым и абстрактным значением, в том числе и терминологической лексики. М. Н. Кожина отмечает также, что достижению обобщённости нередко способствует употребление таких слов, как *обычно, обыкновенно, всегда, каждый, всякий*. Наряду с лексикой, в создании данной стилевой черты научного текста задействованы морфология (использование форм глагола в значении настоящего вневременного, а также форм глагола с ослабленным или неопределённым значением лица) и синтаксис (избегание личного субъекта действия — агенса в предложении, поскольку научное познание мира происходит как непрерывный процесс коллективного творчества; преобладание номинализованных структур, в которых глагол десемантизируется, оставаясь формально-грамматическим центром предложения, а семантический центр высказывания смешается с глагола на отглагольные существительные в роли подлежащего или дополнения).

(2) **Логичность** научного стиля находит своё выражение на синтаксическом и текстовом уровнях; созданию данной стилевой черты служат: полноформленность высказываний, преобладание союзных предложений над бессоюзными (союзы являются выразителями логических связей между частями предложения), широкое использование различных средств связи — в том числе, лексических, синонимических и местоименных повторов на текстовом уровне; выверенная и строго регламентированная композиция текста; метатекстовые средства проспекции и ретроспекции, формирующие стереотипность научных произведений. Логичность изложения обусловлена не только особенностью научного мышления, но и локально-временной дистанцией между автором и адресатом: повышенная аргументированность и логичность речи является в данном случае одним из условий оптимальной коммуникации.

(3) **Точности (ясности)** научного стиля способствует употребление терминов, значение которых строго определено в границах конкретной науки, с ограничением или даже недопустимостью синонимических замен используемых обозначений. Однозначность и точность достигаются также за счёт использования вводных и вставных конструкций, выполняющих функцию

уточнения, а также ссылок и сносок в тексте с указанием инициалов и фамилии автора, названия, года и места издания его работы.

(4) Выражению такой стилевой черты, как **объективность**, в научном стиле служит некатегоричность изложения — взвешенность оценочных суждений и тщательный контроль словоупотребления в отношении темы, теорий и путей решения исследовательских вопросов, результатов исследования и цитируемых в работе мнений других авторов. Стремлением к объективности обусловлено также употребление пассивных конструкций и их аналогов: *sein + zu + Inf.*, неопределённо-личного местоимения *man*, причастий I с частицей *zu* в атрибутивной функции (ср. *Betrachtet man das typographische Relief von Texten als semiotische Ressource, ist zu klären, welchen Zeichentypen makro- und mikrotypographische Gestaltungselemente zuzuordnen sind.*⁷¹).

(5) **Коммуникативная направленность** научной речи имеет своим основанием необходимость учёта адресата. Она находит своё выражение в скрытой диалогичности научного стиля, вопреки тому, что тексту научных произведений по праву приписывается монологический характер. Автор привлекает читательское внимание к значимым композиционно-прагматическим сегментам, используя типичные средства для их введения. Так, КПС выдвижения гипотезы может вводиться лексическими маркерами: «предполагается», «предположительно», «можно предположить», а указание на общеизвестный факт, используемый автором статьи в аргументации, может осуществляться посредством таких маркеров, как: «известно, что», «принято считать», «как известно» и др. Использование подобных средств, как отмечено ранее, облегчает восприятие текста реципиентом, побуждает последнего мыслить вместе с автором, по мере того как разворачивается ход исследовательской мысли. Выражению диалогичности в научном тексте также служит использование чужой речи в цитатной форме, императивов, как бы обращённых к читателю, языковых средств оценки, вводных слов, сочетаний и вставных конструкций, выражающих отношение автора к сообщаемому положению (хеджинг): *вероятно, конечно, очевидно, безусловно.*⁷²

---

⁷¹ Hagemann J. Typographie und Textualität. In: Zeitschrift für germanistische Linguistik, 41 (1), 2013. S. 54.

⁷² Кожина М. Н. Научный стиль. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. С. 243–246.

1.4.2. Научная коммуникация: предписания и запреты Х. Вайнриха

Из ряда хрестоматийных работ немецких германистов, посвящённых стилю научной коммуникации, особенно выделяется статья Х. Вайнриха «Formen der Wissenschaftssprache», в которой учёный подробно излагает концепцию предписаний (Gebote) и запретов (Verbote), регламентирующих стиль научного текста. Впоследствии на данную концепцию неоднократно ссылались исследователи институционального научного общения, нередко подвергая сформулированные Х. Вайнрихом положения критике как слишком категоричные.⁷³

Согласно Вайнриху, научному произведению предписывается быть объективным; перед создателем же такового стоит необходимость в публикации своих текстов (Veröffentlichungsgebot), поскольку исследователи параллельно с процессом научного познания сообщают о его результатах и путях их достижения читателям.⁷⁴

Среди запретов, распространяющихся на научный текст, Х. Вайнрих называет три:

- (1) запрет на **авторизацию** (das Ich-Verbot);
- (2) запрет на **нарратив** (das Erzähl-Verbot);
- (3) запрет на **метафору** (das Metaphern-Verbot).⁷⁵

Запрет на авторизацию основывается на утверждении коллективного и объективного характера научной деятельности. Так как задачей науки является выведение и распространение универсального знания, проявление индивидуальных особенностей конкретного автора в научных текстах оказывается неуместным — как результат, авторы прибегают к стратегиям, позволяющим избежать автореференции.

П. Ауэр и Х. Басслер приводят в своей статье подробный список средств, позволяющих авторам отойти от самообозначений:

- (1) инклюзивное употребление местоимения «мы», которое создаёт впечатление, будто бы автор научного текста, помимо себя, имеет в виду и читателя, составляет с ним своеобразную группу;
- (2) упоминание о себе в третьем лице как об «авторе данной статьи»;

---

⁷³ Подробнее о критике некоторых «запретов» Вайнриха из статьи 1989 года см. п. 1.3.3.

⁷⁴ Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache. S. 145.

⁷⁵ Там же, S. 133–138.

(3) предпочтение страдательного залога действительному;

(4) метонимический перенос / проецирование конкретных действий автора на текст — текст «рассматривает» / «сравнивает» и тому подобное словоупотребление.⁷⁶

Второй запрет, упоминаемый Х. Вайнрихом, — запрет на нарратив — обусловлен дескриптивным характером научного стиля: тексты исследователей нацелены на предельно краткое и прямолинейное описание результатов проделанной работы, что должно содействовать прогрессу в науке. В соответствии с целью исследовательских текстов глаголы употребляются по большей части в форме настоящего вневременного (*das generelle Präsens*): *Es handelt sich um einen Prozess, in dem ein sprachliches Zeichen eine diskursive Funktion übernimmt.*⁷⁷ / У английского *sad* есть близкий синоним *unhappy* 'грустный, невеселый, несчастный', который обычно не употребляется в случаях, когда эмоция не вызвана какой-то внешней или внутренней, психологической причиной.⁷⁸

Третий запрет призван строго ограничить употребление метафор в научной речи — по мнению Вайнриха, большинство членов научного сообщества не считает метафоры эффективным способом донести информацию до читателя.⁷⁹ Тем не менее на практике использование метафор в научных текстах оказывается довольно широким — в силу их наглядности, особенно необходимой в случае с научно-популярными текстами и их реципиентами.

1.4.3. «Запрет на авторизацию» (Ich-Verbot) и его преломление в современной научной литературе

Как было сказано выше, запреты, сформулированные Х. Вайнрихом в отношении научного текста, воспринимаются некоторыми исследователями критически. При всей спорности как запрета на метафору, так и запрета на нарратив, в

---

⁷⁶ Auer P., Baßler H. Der Stil der Wissenschaft. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt/New York, 2007. S. 17–18.

⁷⁷ Mroczynski R. Zur Herausbildung des Diskursmarker ja. Grammatikalisierung oder Pragmatikalisierung? In: Zeitschrift für germanistische Linguistik. 41 (1), 2013. S. 141.

⁷⁸ Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты (2). Вопросы языкознания, 2011/2. С. 65.

⁷⁹ Там же, S. 138.

работах последних десятилетий наиболее частой и острой критике подвергается запрет на авторизацию, что, в свою очередь, связано с движением к большей субъективности в современной науке.

Наблюдая за изменениями, происходящими в стиле англоязычной науки, К. Маир отмечает переход научного текста к большей неформальности, а также стремление автора ориентироваться на читателя, выраженное в смягчении некоторых формулировок.⁸⁰ П. Ауэр и Х. Басслер также подтверждают подобную тенденцию (уже не только в отношении англоязычных научных статей), заметив, что авторы научных текстов всё чаще прибегают к эксплицитной автореференции.⁸¹

Среди работ отечественных лингвистов, в которых ставится под сомнение необходимость неукоснительного следования запретам Х. Вайнриха, следует особо выделить статью С. Т. Нефёдова «Автореференция в научном лингвистическом дискурсе». В ней автор высказывает мысль о том, что запрет на авторизацию не носит строго прескриптивный характер, так как он явно противоречит положению вещей в действительности, согласно которому любой текст (в т. ч. и научный) создаётся человеком и потому неизбежно обнаруживает черты субъективности и «присутствия в тексте самого автора как индивидуальной психофизической личности и как участника коммуникативного процесса».⁸² Однако в силу того, что научные произведения нацелены на сообщение универсальных и объективных знаний, авторизация не всегда выражается эксплицитно в научных текстах и часто находит имплицитное выражение в семантике модально-эпистемических и рационально-оценочных элементов, предикатов безличных и пассивных конструкций, метафорах и окказионализмах — таким образом, можно говорить о формировании скрытого плана авторизации, сосуществующего с объективностью изложения.⁸³

---

⁸⁰ Mair Chr. Kult des Informellen — auch in der Wissenschaftssprache? Zu neueren Entwicklungen des englischen Wissenschaftsstils. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt/New York, 2007. S. 159, 167.

⁸¹ Auer P., Baßler H. Der Stil der Wissenschaft. S. 18.

⁸² Нефёдов С. Т. Автореференция в научном лингвистическом дискурсе. XLIII Международная филологическая конференция. Избранные труды. Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. С. 314.

⁸³ Там же.

1.5. Маркеры общеизвестности в научном дискурсе

Можно утверждать, что маркеры общеизвестности (МО), составляющие предмет настоящего исследования, используются наряду с прочими лексическими, грамматическими и лексико-грамматическими средствами для реализации стратегий и тактик, направленных на достижение основной цели научного дискурса (сформировать, систематизировать и передать новое объективное знание о мире в опоре на сложившиеся в академическом сообществе сведения об изучаемом объекте).

Высказывания с МО:

- (1) позволяют провести чёткую границу между общепринятым знанием и сообщаемым новым знанием (реализация **информирующей** стратегии, нацеленной на интерпретацию уже имеющихся в научном коллективе и новых научных фактов⁸⁴);
- (2) способствуют выражению авторской позиции (реализация **оценивающих** стратегий, а также стратегии **убеждения** и **аргументации**, позволяющих автору текста убеждать реципиента в истинности сообщаемых новых сведений);
- (3) помогают установить контакт с реципиентом за счёт обращения к его фоновым знаниям (**контактоустанавливающая** стратегия). Отсылая читателя к общепринятой информации и к фонду его собственных знаний, автор косвенно обращается к реципиенту текста и вовлекает его в оценивание достоверности сообщаемых фактов.
- (4) позволяют автору интегрироваться в общее дискурсивное тематическое пространство и репрезентировать себя в тексте как представителя конкретного научного сообщества.

Применение высказываний с маркерами общеизвестности обусловливается нормами ведения профессиональной коммуникации в научном сообществе:

- (1) необходимостью поддерживать преемственность и опираться на «старое знание» — так как они используются для презентации сообщаемого автором положения как закреплённого в коллективном сознании научного сообщества;

---

⁸⁴ Подробнее о коммуникативных стратегиях и тактиках научного дискурса см. Когут С. В. Дискурсивные маркеры в научном тексте: этнокультурный и дискурсивный аспекты (на русском и немецком языковом материале). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 2016. С. 25–26.

- (2) строить логичное рассуждение — так как они способствуют последовательному развёртыванию авторской мысли в аргументации (сначала автор апеллирует к устоявшемуся научному знанию, затем сообщает новое);
- (3) придерживаться объективности в изложении — так как они формально указывают на универсальный характер высказывания.

Помимо этого, маркеры общеизвестности могут играть иницилирующе-подготавливающую роль в тексте научного сообщения, когда авторы используют данные маркеры для введения в текст отдельных композиционно-прагматических сегментов, таких как: характеристика темы / предмета исследования, история вопроса, доказательство.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Из всех существующих определений понятия «дискурс», сформированных в рамках различных научных направлений, в качестве рабочего определения для настоящего исследования избирается трактовка Ю. Шпитцмюллера и И. Варнке. В данном определении отражено понимание дискурса как совокупности тематически и функционально-коммуникативно взаимосвязанных высказываний и их фрагментов, а также сделан акцент на транстекстовом характере дискурса, который подразумевает учёт интертекстуальных отношений между отдельными текстами.

В соответствии с определением Ю. Шпитцмюллера и И. Варнке, научный институциональный дискурс трактуется как определённая разновидность общения между учёными, соответствующая нормам и отношениям в социуме, который можно определить как научное сообщество. Основной задачей автора научного дискурса является доказательство истинности своей точки зрения в процессе познания.

Целью лингвистического дискурса является формирование нового знания о языковых явлениях, их категориях и признаках, и поиск новых способов их изучения. Тот факт, что в лингвистическом дискурсе предпринимаются попытки объяснения явлений языка через сам язык, определяет его основную функцию как метаязыковую.

В данной главе рассмотрены некоторые классификации жанров дискурса, имеющие в своей основе различные классификационные признаки. Более подробная характеристика дана основному жанру научного дискурса — научной статье: описана универсальная модель статьи, её смысловая и формальная (грамматическая) структуры, основополагающие композиционно-прагматические сегменты, выделяемые в письменном научном сообщении. Цель научной статьи заключается в сообщении и распространении нового знания, представленного в связях с положениями, которые воспринимаются представителями научного сообщества как традиционные / общеизвестные.

Стиль научной статьи репрезентирует понятийно-логическое мышление, которому свойственны абстракция и объективность. Экстралингвистические факторы обуславливают конструктивный принцип научного стиля — обобщённо-отвлечённость и его основные стилевые черты: абстрактность, логичность, точность, объективность и коммуникативную направленность.

В лингвистике научной речи и теории профессиональных языков получили рассмотрение запреты и предписания Х. Вайнриха, регламентирующие построение

научного текста (запрет на авторизацию, запрет на нарратив, запрет на метафору). В соответствующем разделе данной главы комментируется критическая позиция ряда исследователей по отношению к упоминаемым нормам научной коммуникации: предполагается, что критика запретов Х. Вайнриха объясняется антропоцентрическими тенденциями в современной науке.

В силу того, что научные произведения имеют своей целью сообщение универсальных и объективных знаний, позиция автора не всегда находит эксплицитное выражение в научном тексте. В этой связи даётся краткое описание средств имплицитной авторизации, в т. ч. стратегий хеджинга.

Утверждается, что использование маркеров общеизвестности (МО) продиктовано необходимостью реализовать стратегии и тактики, способствующие достижению основной цели научного дискурса, которая заключается в формировании, обобщении и распространении нового объективного знания о явлениях действительности с опорой на старое знание, верифицированное научным сообществом. Предполагается, что высказывания с исследуемыми маркерами могут использоваться авторами для ввода в текст научной статьи отдельных композиционно-прагматических сегментов, а также служить отправной точкой авторской аргументации.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЙ С МАРКЕРАМИ ОБЩЕИЗВЕСТНОСТИ

2.1. О материале исследования

Методом сплошной выборки из научных лингвистических статей были отобраны контексты, в которых встречаются высказывания с маркерами общеизвестности. Основу немецкоязычного корпуса составили статьи из научного журнала «Zeitschrift für germanistische Linguistik» (издательство Mouton de Gruyter), входящего в наукометрические базы Scopus и Web of Science. В приложении к настоящей работе в табличной форме приводятся сведения о текстах, послуживших источниками лингвистического материала. Также указывается год выхода и № выпусков журнала, использованных при формировании корпуса контекстов.

В русскоязычный корпус вошли контексты, собранные в результате поиска по текстам статей из журнала «Вопросы языкознания», индексируемого в Scopus и входящего в РИНЦ, а также в Russian Science Citation Index платформы Web of Science.

В общей сложности было проанализировано 20 научных статей на немецком языке (суммарный объём: 550 страниц, 20 350 предикаций⁸⁵) и 20 научных статей на русском языке (суммарный объём: 423 страницы, 16 497 предикаций). В результате анализа было выявлено 52 высказывания с маркерами общеизвестности в немецкоязычном корпусе и 64 высказывания с исследуемыми маркерами в русскоязычном корпусе соответственно.

2.2. Маркеры общеизвестности: структура и семантика

Маркеры общеизвестности (МО) и их функционирование в профессиональной научной коммуникации до сих пор привлекали внимание лишь немногих

---

⁸⁵ Употребляя в работе термин «предикация», мы придерживаемся трактовки данного понятия С. Т. Нефёдовым: «Под предикацией при этом понимается двухкомпонентная текстовая структура, воплощающая динамическое развертывание пропозиционального содержания текста и состоящая из предикативно определяемого компонента (субъекта) и предизируемого признака (предиката),» — Нефёдов С. Т. Эпистемические «сдвиги» в модальности научного текста. “Научное обозрение: гуманитарные исследования”. 9/2016. С. 134. С опорой на сложившуюся в лингвистике традицию, предикации используются в данной работе в качестве операциональной единицы при анализе материала.

исследователей, чем и объясняется отсутствие чёткого и единого определения средств указания на общий источник знаний, а также тот факт, что сам термин «маркеры общеизвестности» до конца ещё не вошёл в научный обиход.

2.2.1. Определение маркеров общеизвестности

В процессе поиска по текстам работ отечественных исследователей было выявлено единственное упоминание маркеров общеизвестности в статье И. Г. Черненко, посвящённой исследованию перспектив когнитивного подхода в изучении аргументации И. Канта. В статье анализируются средства, которые используются для введения аргументов в тексты философского дискурса. Среди них И. Г. Черненко выделяет маркеры, «не только апеллирующие к пресуппозициям адресата, но и позволяющие включить доказываемый с помощью такого аргумента тезис в уже разработанную систему».⁸⁶

В англоязычной лингвистике термин «common knowledge markers» встречается немногим чаще. Дж. Паркинсон упоминает данные маркеры в связи с практикой цитирования работ предшественников, принятой в научном сообществе, и имплицитным, некатегоричным выражением авторской позиции.⁸⁷ Л. П. Кастело и Л. М. Монако рассматривают маркеры общеизвестности наряду с использованием конструкций с инклюзивным «мы», отмечая их дискурсивную функцию: маркеры общеизвестности используются авторами для презентации себя и своей аудитории в тексте как членов одного конкретного экспертного сообщества.⁸⁸

Вместе с тем Дж. Паркинсон, Л. П. Кастело и Л. М. Монако ссылаются на монографию Д. Коутсантони⁸⁹, в пятой главе которой («Investing in Propositions and Alluding to Shared Understandings: Attitude, Certainty and Common Knowledge Markers») маркеры общеизвестности («common knowledge markers») рассматриваются в качестве одной из стратегий хеджинга. Д. Коутсантони проводит границу между средствами

---

⁸⁶ Черненко И. Г. Возможности когнитивного подхода в исследовании философской аргументации. Когнитология в системе гуманитарных наук. Полтава, 2013. С. 103.

⁸⁷ Parkinson J. English for Science and Technology. In: The Handbook of English for Specific Purposes. Edit. B. Paltridge, S. Starfield. Wiley-Blackwell, 2013. P. 167.

⁸⁸ Castelo L. P., Mónaco L. M. The Might of 'Might': a Mitigating Strategy in Eighteenth and Nineteenth Century Female Scientific Discourse. In: Revista Canaria de Estudios Ingleses. 72 / 2016. P. 148.

⁸⁹ Koutsantoni D. Developing Academic Literacies. Understanding Disciplinary Communities' Culture and Rhetoric. Peter Lang, Bern. 2013. (305 pages).

указания на известные научному сообществу факты из конкретных источников и, собственно, маркерами общеизвестности: последние, в понимании исследователя, служат для представления сообщаемой автором информации как уже данной, известной представителям конкретного научного сообщества.⁹⁰ В этом случае нельзя исключать возможность презентации автором нового знания, ещё не получившего оценку в профессиональном коллективе, как традиционного и закреплённого в коллективном сознании. Использование маркеров общеизвестности в подобной функции, однако, противоречит нормам профессиональной этики и не подвергается рассмотрению в рамках данного исследования.

Основываясь на эмпирических данных и теоретических положениях, сформулированных в вышеуказанных работах, можно дать следующее определение маркерам общеизвестности применительно к научному тексту: к маркерам общеизвестности следует относить лексические и лексико-грамматические средства, которые используются автором для введения в текст высказываний, отсылающих читателя к некоему традиционному, закрепившемуся в коллективном сознании конкретного научного сообщества знанию. Высказывания с маркерами общеизвестности могут выполнять ряд прагматических функций в коммуникации: к примеру, использоваться для имплицитной презентации автора и его позиции в тексте.

2.2.2. Маркеры общеизвестности как дискурсивные (прагматические) маркеры

Роль маркеров общеизвестности в организации и сохранении смысловой связности отдельных текстов как единиц научного дискурса, позволяет нам рассматривать их отчасти⁹¹ и как прагматические (дискурсивные) маркеры.

---

⁹⁰ Там же, р. 134.

⁹¹ Данное ограничение обусловлено тем, что МО, на наш взгляд, лишь частично (на функциональном уровне) удовлетворяют полному определению дискурсивных (прагматических) маркеров, данному Б. Фрейзером: «I have defined DMs as a pragmatic class, lexical expressions drawn from the syntactic classes of conjunctions, adverbials, and prepositional phrases. With certain exceptions, they signal a relationship between the segment they introduce, S2, and the prior segment, S1. They have a core meaning which is procedural, not conceptual, and their more specific interpretation is 'negotiated' by the context, both linguistic and conceptual.» — «Мы определили дискурсивные маркеры как прагматический класс лексических выражений, относившихся изначально к таким синтаксическим классам, как союзы, обстоятельства,

В трактовке Б. Фрейзера, прагматические маркеры представляют собой функциональный класс лексических выражений, задача которых заключается в демонстрации взаимосвязей между высказываниями.⁹²

В отношении научных текстов, характеризующихся подчёркнутой логичностью изложения и коммуникативной направленностью, З. И. Резановой и С. В. Когут выделяются три группы прагматических маркеров:

- (1) маркеры, обеспечивающие связность текста, — индицируют введение в тему, порядок следования информации и расположения материала в тексте, отступления от основной темы и т. д.;
- (2) маркеры, выражающие отношение говорящего к сказанному — эксплицируют отношение автора к содержанию и различного рода оценку с высокой или низкой степенью категоричности;
- (3) маркеры, регулирующие процесс взаимодействия автора и адресата научного текста — приглашают читателя к совместному действию, со-мышлению с автором, сосредоточивают внимание читателя на важной или дополнительной информации, обращаются к фоновым знаниям читателя.⁹³

Как видим, к третьей группе могут быть отнесены маркеры общеизвестности, специфика которых в их текстовом функционировании определена самой целью научного дискурса, — коллективным производством и последующим распространением нового знания. В связи с тем, что в статье З. И. Резановой и С. В. Когут сделан акцент на обращённости маркеров третьей группы к реципиенту высказывания и нивелирована роль его продуцента, необходимо отметить, что использование тех или иных маркеров в тексте в первую очередь зависит от его автора, делающего выбор в пользу той или иной стратегии коммуникативного взаимодействия с аудиторией. Маркеры общеизвестности могут рассматриваться здесь как не прямое обращение автора к адресату, апелляция к общим источникам информации и фоновым

предложные группы. За некоторым исключением все они указывают на взаимосвязь между сегментом S2, в который они включаются, и предшествующим сегментом S1. Их основное значение является функциональным, а не концептуальным. Более частная интерпретация значения дискурсивных маркеров — как функционального, так и концептуального — зависит от контекста.» — *Перевод П. К. (Fraser, Bruce. What are discourse markers? Journal of Pragmatics. 31 / 1999. P. 950.)*

⁹² Fraser B. What are discourse markers? In: Journal of Pragmatics, 31/1999. P 950.

⁹³ Резанова З. И., Когут С. В. Функционирование дискурсивных маркеров в научном тексте: этнокультурные и дискурсивные детерминации. Вестник Томского государственного университета, 1(39) / 2016. С. 66–72.

знаниям адресата, вовлечение автором адресата в оценивание достоверности фактов, сообщаемых в научном тексте.

В ряде дискуссий⁹⁴ об отнесении маркеров общеизвестности к той или иной группе прагматических маркеров выяснилось, что различие таких маркеров, как: *очевидно; явно / offensichtlich; offenkundig; offenbar* и *общеизвестно; известно, что / bekanntlich; allgemein bekannt* может представлять определённую сложность. Заметим, что перечисленные в первую очередь лексические единицы не маркируют в тексте высказывания, отсылающие читателя к общему источнику знаний. Они представляют категорию авторской модальности и отражают отношение автора к сообщаемой информации. Если они и обращены к адресату текста, то лишь затем, чтобы указать реципиенту на позицию, занимаемую автором относительно сообщаемого факта.⁹⁵ Б. Фрейзер называет подобные средства выражения авторской позиции «*evidential markers*»⁹⁶ — «маркеры очевидности» (Пример: А: *Will he go?* В: *Certainly, he will go.*)⁹⁷.

2.2.3. Формально-структурная характеристика маркеров общеизвестности

Анализ 20 немецкоязычных статей позволил нам выделить ряд лексических и лексико-грамматических единиц, использовавшихся авторами научных текстов для введения в изложение высказывания, устоявшегося и общепринятого с их точки зрения и апеллирующего к фоновым знаниям реципиента. Ранжированный список маркеров общеизвестности (на основании количественных данных по частотности употребления того или иного маркера) приводится в Таблице 1.

---

⁹⁴ Речь идёт об обсуждении докладов, сделанных по результатам настоящего исследования: «Функционирование маркеров общеизвестности в научном тексте (на материале немецко- и русскоязычных статей по лингвистике)» и «Высказывания с маркерами общеизвестности в сопоставительном аспекте (на материале статей из журналов «*Zeitschrift für germanistische Linguistik*» и «Вопросы языкознания)» на XXIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (МГУ) и XX Открытой конференции студентов-филологов СПбГУ соответственно.

⁹⁵ Когут С. В. Дискурсивные маркеры в научном тексте: этнокультурный и дискурсивный аспекты (на русском и немецком языковом материале). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 2016. С. 80.

⁹⁶ Fraser B. An Account of Discourse Markers. *International Review of Pragmatics* 1 (2009) 1–28 — P. 4.

⁹⁷ Там же.

Таблица 1. Инвентарь МО в немецкоязычных статьях

	МО	Контексты
1.	grundsätzlich	12
2.	normalerweise	7
3.	in der Regel	7
4.	typischerweise	6
5.	allgemein	4
6.	üblicherweise	3
7.	bekanntlich	2
8.	im Allgemeinen	2
9.	gewöhnlich	1
10.	typisch	1
11.	grundsätzlich gesehen	1
12.	traditionell	1
13.	generell	1
14.	wie dies generell gilt	1
15.	(es) gilt allgemein	1
16.	Im Prinzip	1
17.	gemeinhin	1

11 маркеров из 17 представлены однословными, оценочно квалифицирующими лексическими единицами разной части речной принадлежности: *grundsätzlich*, *allgemein*, *gewöhnlich*, *typisch*, *traditionell*, *generell*, *normalerweise*, *typischerweise*, *üblicherweise* (-weise), *bekanntlich*, *gemeinhin*. Среди маркеров, представляющих собой многословные единицы, выделяются: (1) **предложные группы** (в некоторых случаях со слиянием предлога и определённого артикля) — *in der Regel*, *im Allgemeinen*, *im Prinzip*; (2) **причастная группа** — *grundsätzlich gesehen*; (3) **придаточное предложение** — *wie dies generell gilt* и (4) **простое двусоставное предложение** — *(es) gilt allgemein*.

В ходе работы с русскоязычным материалом было выделено пятнадцать маркеров общеизвестности, из числа которых наиболее часто употреблялись единицы *обычно* и *как правило*, указывающие на традиционный характер сообщаемой информации.

Таблица 2. Инвентарь МО в русскоязычных статьях

	МО	Контексты
1.	обычно	32
2.	как правило	10
3.	как известно	6
4.	в принципе	5
5.	традиционно считались / считаются / считается / считалось	3
6.	как хорошо известно	2
7.	известно	1
8.	традиционно	1
9.	стандартно	1
10.	согласно общепринятым представлениям	1
11.	по умолчанию	1
12.	как многократно отмечалось	1
13.	как мы знаем	1
14.	принято говорить	1
15.	принято выделять	1

В русскоязычном корпусе контекстов бóльшая часть маркеров имеет вид словосочетания / предложения; однословными лексическими единицами являются лишь (1) **наречия** *обычно, известно, традиционно, стандартно*, (наречие как правило, изначально бывшее словосочетанием, в процессе лексикализации стало восприниматься как одно слово). Также выделяются следующие структурные типы маркеров общеизвестности: (2) **сочетание наречия и глагола** в различных временных и личных формах — *традиционно считались / считались / считаются / считается / считалось; принято говорить*; (3) **предложные группы** — *согласно общепринятым представлениям, в принципе, по умолчанию*; (4) **вводные конструкции** — *как известно, как хорошо известно, как многократно отмечалось, как мы знаем*.

2.2.4. Семантическая характеристика маркеров общеизвестности

Для описания семантики выражений, используемых в русско- и немецкоязычных научных текстах в функции маркеров общеизвестности, мы воспользуемся одним из методов, описанных Г. Фритцем в работе «Einführung in die historische Semantik»,⁹⁸ —

⁹⁸ «Es handelt sich dabei um folgende Verfahren: 1. die Untersuchung syntaktischer Eigenschaften; 2. den Kipp-Test; 3. den Koordinations- oder Zeugma-test; 4. die Paraphrasen- und Antonymenmethode; 5. die Kollokationsanalyse» (Fritz G. Einführung in die historische Semantik. Germanistische Arbeitshefte, Band 42. Tübingen, 2005. S. 20). «Речь здесь идёт о следующих методах: 1. Изучение синтаксических связей; 2.

т. наз. методом парафраз и антонимов (die Paraphrasen- und Antonymenmethode). Суть данного метода заключается в подборе синонимичных и антонимичных выражений для конкретных словоупотреблений. Ввиду того, что поиск антонимов для маркеров общеизвестности представляется по меньшей мере затруднительным, полагается целесообразным определять значение исследуемых маркеров на основании подобранных синонимов / парафраз.

Источниками синонимичных выражений для исследуемых маркеров и сведений об их значении послужили словари и лингвистические корпуса, такие как Словарь синонимов русского языка (З. Е. Александрова)⁹⁹, Словарь современного русского литературного языка (БАС)¹⁰⁰, Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)¹⁰¹. Ниже приводится схематическое отображение семантического поля синонимов выражений «allgemein bekannt» и «как известно» как прототипических маркеров общеизвестности.

На основании проведённого анализа высказываний с маркерами общеизвестности можно утверждать, что семантика изучаемых маркеров имеет полевою структуру, ядро которой составляют единицы с семами ‘wie wir alle wissen’ — ‘общеизвестно’ / ‘общепринято’ (ср. *wie dies generell gilt; согласно общепринятым представлениям*). Применительно к текстам лингвистического научного дискурса центральной в значении изучаемых маркеров будет считаться сема ‘wie wir alle wissen in diesem linguistischen Bereich’ — ‘общеизвестно в рамках конкретного направления лингвистики’. Основой формирования значения общеизвестности, в котором употребляются единицы, составляющие ядро семантического поля МО, служат семы ‘известно’ и ‘универсальный, общепринятый характер сообщаемого’ (ср. *allgemein bekannt, согласно общепринятым представлениям*).

На периферии семантической структуры маркеров общеизвестности оказываются лексемы, в которых значение общеизвестности формируется с помощью

Тест на перестановки; 3. Тестирование сочинительных связей (зевгмационный тест); 4. Метод парафраз и антонимов; 5. Анализ коллокаций». — перевод П. К.

⁹⁹ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М., 2001.

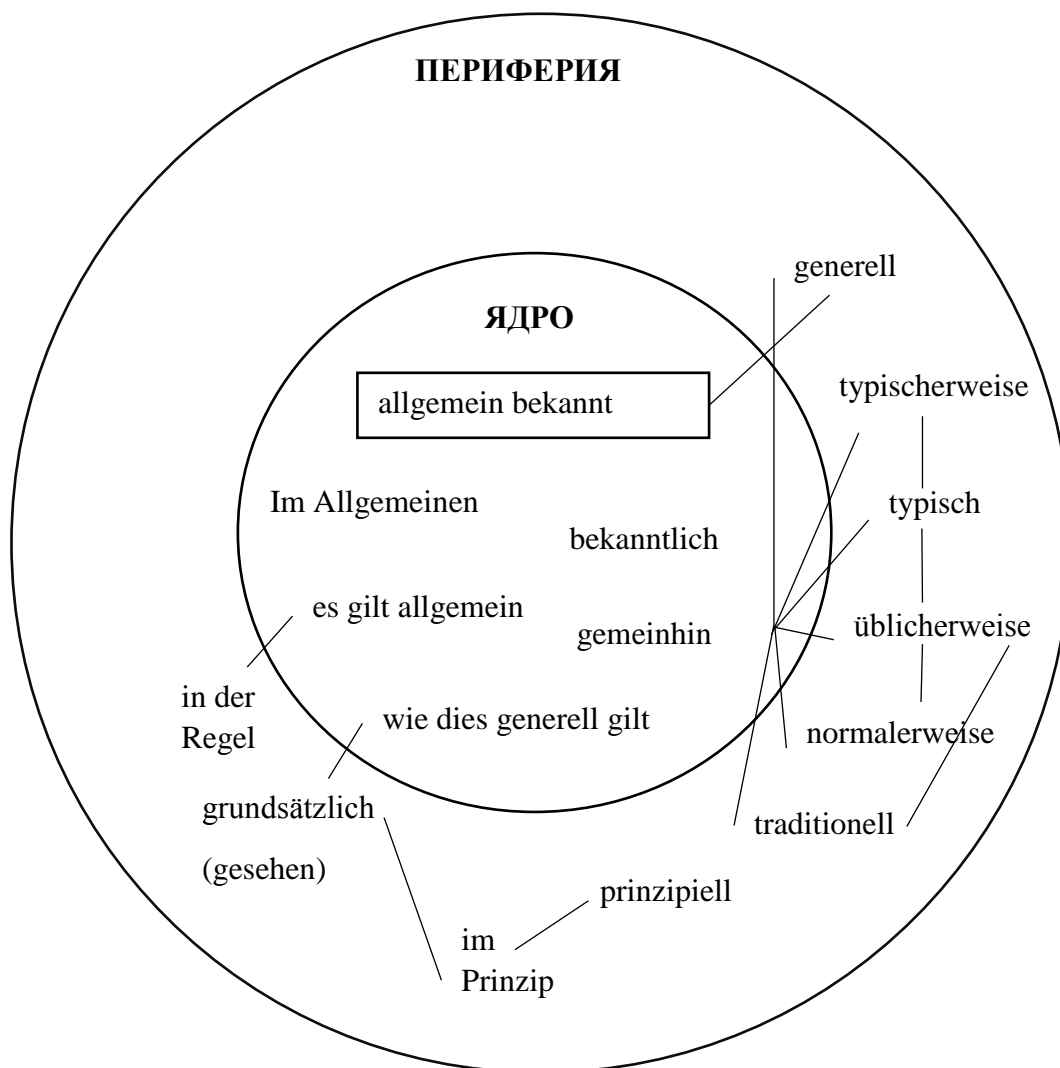
¹⁰⁰ Словарь современного русского литературного языка. Том пятый: И–К; Том восьмой: О; Том одиннадцатый: Пра–пятью; Том четырнадцатый: Со–сям; Том пятнадцатый: Т. М./Л, 1956–1963.

¹⁰¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. [Электронный ресурс]: режим доступа: <https://www.dwds.de>.

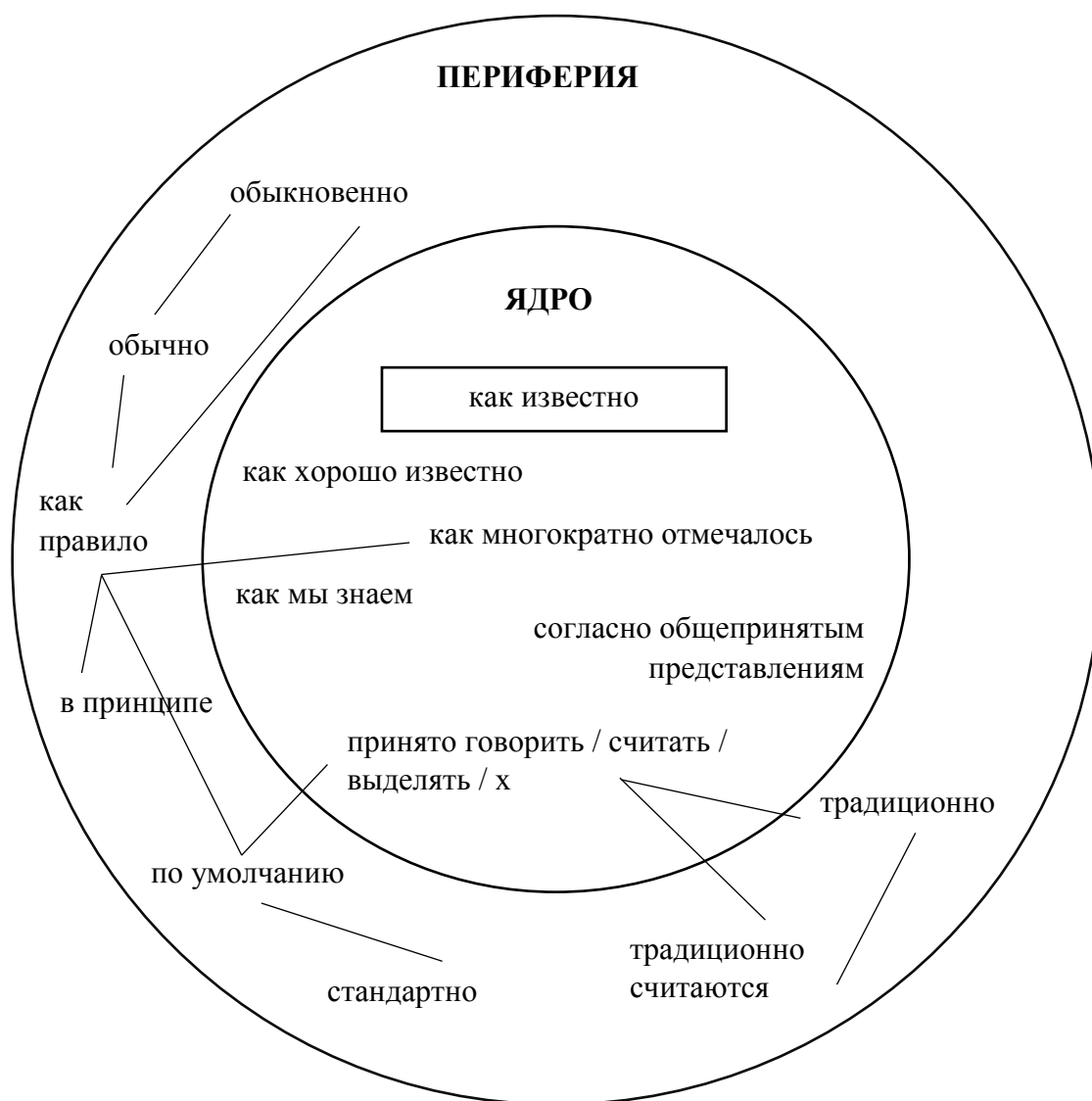
сем традиционности, цикличности, типичности какого-либо действия или факта (ср. *traditionell, üblicherweise; традиционно, обыкновенно, как правило*).

Характерно, что примарное значение лексических единиц, отображаемых на схемах, может отличаться от значения общеизвестности, которое рассматриваемые единицы реализуют в контекстах профессионального научного общения (ср., например, употребление единицы *typisch* в бытовом общении — в частности, в коллокации «*typisch* + этноним» — *typisch Deutsch* — или в предложении: *Das ist für ihn aber typisch.*).

Рис. 1. Семантическое поле синонимов выражения «allgemein bekannt»

Рис. 2. Семантическое поле синонимов выражения «как известно»

2.3. Прагматические функции высказываний с МО в научных текстах

Высказывания с МО обладают прагматическим потенциалом в определённом профессиональном сообществе; их существование обуславливается самим наличием старого знания, получившего оценку в научном сообществе, и их употребление может рассматриваться как одна из норм профессионального научного общения.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных примеров, следует обозначить прагматические функции высказываний с МО, которые были выявлены при анализе совокупности материала, собранного в процессе исследования. Используя

высказывания с МО в тексте научного сообщения, автор в первую очередь интегрируется в своё профессиональное сообщество, идентифицирует себя как учёного-лингвиста и подтверждает свою профессиональную компетентность. Эту дискурсивно-прагматическую функцию исследуемых высказываний можно считать прототипическим, «чистым» случаем: высказывания с МО в данной функции встречаются нечасто, о чём свидетельствует отсутствие соответствующих примеров в корпусе контекстов, собранном для настоящего исследования. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что высказывания с МО проявляются в реальных контекстах как чисто прагматические средства ведения аргументации в профессиональной коммуникации на основе авторских утверждений с элементами научной новизны в проекции на общеизвестное (в пределах лингвистического научного сообщества) знание.

В частности, можно выделить следующие прагматические функции высказываний с МО, в которых данные высказывания используются для аргументации авторских положений:

- (1) апелляция автора к общеизвестному положению с целью его **подтверждения**;
- (2) апелляция автора к общеизвестному положению с целью его **опровержения / критики**;
- (3) **введение и описание** определения общепринятого понятия или типичного примера;
- (4) **обобщение положений** научной статьи.¹⁰²

2.3.1. Апелляция автора к общеизвестному положению с целью его **подтверждения**

Установлено, что в большинстве случаев автор научной статьи использует высказывания с маркерами общеизвестности для опоры на традиционное, признанное научным сообществом знание с целью подтверждения общеизвестного положения и построения на его основании своей аргументации.

- (1) Der Konjunktiv I und das Modalverb *sollen* sind sich in vielen Aspekten sehr ähnlich, wie eingangs erwähnt. Sie dienen, ganz allgemein gesagt, der indirekten Redewiedergabe. **Bekanntlich** weisen sie aber auch einige nicht zu vernachlässigende

---

¹⁰² Частный случай функциональной транспозиции: подробнее см. п. 2.4.

Unterschiede im Gebrauch auf, die von ihrer Nicht-Synonymität im Deutschen zeugen. Im Folgenden werden die in der Literatur häufig diskutierten Distinktionen kurz vorgestellt und erläutert.¹⁰³

(2) В русском языке, **как известно**, категория определенности не имеет грамматического выражения, в связи с чем, чтобы узнать, как связан указательный жест с этой категорией, и связан ли вообще, мы рассмотрим некоторые лексические средства, **стандартно** передающие идею (не)определенности.¹⁰⁴

Примеры (1) и (2) иллюстрируют использование высказываний с МО в данной функции. В (1) автор намеревается разграничить сферы употребления конъюнктива I и модального глагола *sollen*, представляя высказывание о существенных различиях в их употреблении как общеизвестное для представителей лингвистического научного сообщества и вводя его в текст посредством МО *bekanntlich*. В дальнейшем эксплицитно выражается намерение автора рассмотреть представленные в текстах его предшественников различия в употреблении вышеуказанных форм.

Сходным образом аналогичное авторское намерение эксплицитно выражено и в (2). Причём традиционный характер утверждения о том, что категория определённости в русском языке не выражается грамматическими средствами, акцентируется дважды: за счёт употребления МО *как известно* и *стандартно* в одном контексте.

Заметим, что автор может и не приводить в тексте указаний на своё намерение дать подтверждение тому или иному известному факту — см. (3) и (4).

(3) In wissenschaftlichen Präsentationen wird **üblicherweise** mit sprachlichen oder gestischen Mitteln auf die visuell dargebotenen Daten verwiesen. Dies kann durch eine explizite verbale Aufforderung durch den Redner an das Auditorium geschehen, die Aufmerksamkeit auf die Projektionswand zu lenken, oder durch direkte Zeigegesten auf die Projektionsfläche bewirkt werden. Neben diesen expliziten Verweisen ist in wissenschaftlichen Präsentationen auch eine Bandbreite weiterer direkter und indirekter Deixis zu finden.¹⁰⁵

(4) Но, **как известно**, в Подмоскowie и ближайших к нему территориях встретились два колониционных славянских потока: юго-западный вятичский (о топонимических проявлениях которого достаточно сказано выше) и северо-

---

¹⁰³ Dt-17. S. 450 (ссылки даются по номенклатуре в Приложении).

¹⁰⁴ Ru-8. С. 22.

¹⁰⁵ Dt-10. S. 69.

западный кривичский (к кривичам, по мнению многих авторов, добавились позднее и новгородские словене).¹⁰⁶

То, что постулируемое положение подтверждается в тексте статьи, становится очевидным при анализе более широкого контекста.

2.3.2. Апелляция автора к общеизвестному положению с целью его критики

Автор научного текста также апеллирует к общеизвестному положению с целью актуализации собственной позиции на фоне его критики, что создаёт основу для научной дискуссии. В этой связи предлагается рассмотреть примеры (5) и (6).

(5) **Typisch** für die populäre Sprachkritik ist es, bei solchen sprachlichen Zweifelsfällen jeweils nur eine mögliche Regelformulierung anzusetzen und Alternativen gar nicht erst zu erwähnen. Verfasser normativer Grammatikregeln, die der Realität des Sprachgebrauchs zuwiderlaufen, müssen sich die Frage gefallen lassen, ob ihre Regelformulierungen nicht inadäquat sind, da sie auf unzutreffenden Regelbeschreibungen beruhen.¹⁰⁷

(6) Главной задачей текстологического исследования произведения письменной культуры **традиционно считается** установление, во-первых, «эдиционного» текста произведения, то есть текста, подлежащего воспроизведению в научной публикации в качестве основного, и, во-вторых, дополнительных текстов, сопровождающих «эдиционный» в качестве его редакций и вариантов. Однако, как писал Д.С. Лихачев, «для того чтобы изучить историю текста, необходимо его прочесть. <...> Обязательное условие правильного прочтения текста – хорошее знание языка эпохи. К сожалению, огромное количество неправильных прочтений в современных изданиях и исследованиях текстов происходит именно из-за плохого знания языка, на котором написано произведение. Одной начитанности в произведениях эпохи недостаточно: нужно не поверхностное понимание текста, а точное знание орфографических, фонетических, морфологических и синтаксических норм эпохи.» Таким образом, текстология связана тесными узами с языком автора произведения и — шире — вообще с языком того времени, когда произведения было создано. Мы исходим именно из такой точки зрения.¹⁰⁸

---

¹⁰⁶ Ru-3. С. 57.

¹⁰⁷ Dt-7. S. 171.

¹⁰⁸ Ru-18. С. 4.

В (5) автор приводит категоричную позицию сторонников популярной критики языка (*populäre Sprachkritik*), заключающуюся в установлении предписывающих языковых норм, которые исключают использование в речи вариантов, альтернативных нормативному словоупотреблению. В дальнейшем автор представляет описанную позицию как неприемлемую для описания закономерностей устной речи.

В (6) автор рассматривает центральные задачи текстологического исследования и смещает акцент на лингвистические аспекты работы текстолога, опровергая устоявшееся в научной среде мнение о том, что в текстологическом исследовании художественных произведений наиболее важное значение отводится установлению эдиционного текста и дополнительных его вариантов. Примечательно также, что такое опровержение общепринятого мнения эксплицитно позиционируется автором как исходное положение для последующей аргументации (ср. *Мы исходим именно из такой точки зрения*).

2.3.3. Введение определения общепринятого понятия или типичного примера

Высказывания с МО используются автором научной статьи не только в качестве опоры для построения аргументации, но и для введения в текст определения общепринятого понятия или описания типичного примера. Ниже приведены контексты, в которых ввод устоявшегося в научном обиходе понятия индицируется маркерами общеизвестности: в (7) автор даёт определение термину «интернет-форум», в (8) уточняется понятие «говорящий».

(7) Foren sind **üblicherweise** in sogenannten Threads organisiert, die aus mehreren (in Ausnahmefällen nur einzelnen) Postings bestehen.¹⁰⁹

(8) **Согласно общепринятым представлениям**, говорящий — это то лицо, которое делает в данный момент в данном месте данное высказывание, адресованное другому лицу, предположительно находящемуся в том же месте и в зоне видимости. В такой функции говорящий проявляет себя, например, в семантике дейксиса, который позволяет идентифицировать лица, объекты, места, отрезки времени и т. д. через их отношение к речевому действию говорящего — индивидуальному, одновременному событию.¹¹⁰

---

¹⁰⁹ Dt-18. S. 228.

¹¹⁰ Ru-4. С. 3.

Другие контексты с использованием высказываний с МО в данной функции, где маркеры общеизвестности индицируют ввод или служат для описания типичного примера, часто сопровождаются ссылками на описываемый пример, как это подтверждается, в частности, контекстами (9) и (10).

(9) Der Valenzträger in (37), *lehnen*, verlangt eine adverbiale Ergänzung. Für (38) wird **traditionell** anlehnen als Valenzträger angenommen, der fakultativ mit einer adverbialen Ergänzung kombiniert werden kann.¹¹¹

(10) Для (54) наиболее вероятная супертема — нечто в духе 'происходят возмутительные вещи'. **Как хорошо известно**, позитивный сценарий событий мы часто предполагаем по умолчанию, а сценарий, который нас не удовлетворяет, — нет. Поэтому фраза (54) и требует прямого предварительного указания на возмущение говорящего.¹¹²

Однако в ряде случаев ссылки на пример не приводятся; подтверждение этому факту можно найти в контекстах (11) и (12).

(11) Bereits in dieser frühen Form des Editierens sind also Spuren des Verdichtens erkennbar, denn es werden Textteile, die **üblicherweise** auf zwei Postings aufgeteilt werden, die aber inhaltlich und funktional aufeinander bezogen sind, in der Beitragsfläche eines einzigen Postings verdichtet dargestellt.¹¹³

(12) Упомянутые типы ошибок принадлежат к числу синтетических, что соответствует синтетической доминанте грамматического строя русского языка. **Как известно**, аналитическим способом в русском языке образуется сравнительно небольшое количество форм, в частности, формы будущего сложного и некоторые (малоупотребительные) формы императива.¹¹⁴

2.4. Функциональная транспозиция высказываний с МО

Использование высказываний с МО в функциях, рассмотренных выше, отмечалось как в немецко-, так и в русскоязычных корпусах контекстов. Вместе с тем

---

¹¹¹ Dt-5. S. 273.

¹¹² Ru-1. С. 19.

¹¹³ Dt-18. S. 237.

¹¹⁴ Ru-16. С. 23.

можно отметить функциональную транспозицию высказываний с МО, которая наблюдалась лишь в корпусе статей из журнала «Вопросы языкознания». В результате данной транспозиции функция высказываний с МО сместилась в другую семантическую зону — формирование закономерностей, претендующих на то, чтобы впоследствии верифицироваться в научном сообществе и изменить статус нового знания на статус положений, закреплённых в коллективном сознании представителей лингвистического научного сообщества.

В нижеследующих контекстах авторы используют высказывания с МО для обобщения положений научной статьи: маркеры общеизвестности указывают на то, что новое знание, сообщаемое автором и подкрепляемое аргументами в тексте, становится достоянием научного сообщества.

(13) *Итак*, первым направлением введения новых топонимов стало исключение из названий советских терминов. Новые названия, **как правило**, были либо возвращением дореволюционных, которые не использовались более двадцати лет; либо легитимным закреплением названий, конвенционально использовавшихся местными жителями.¹¹⁵

(14) Дистрибутивный анализ русского глагольного корпуса *выявил* более высокую чувствительность взрослого к ошибкам формообразовательного характера. Реакции взрослого в ответ на эти ошибки имеют, **как правило**, метадискурсивный характер, в то время как реакции на ошибки ребенка, сделанные при неконвенциональном употреблении глаголов, являются преимущественно конверсациональными.¹¹⁶

(15) *Как видим*, у местоимений тот, этот различие между объектами указания («объект» vs. «ситуация») не оказывает влияния на выбор органа указания. Напротив, для жестикуляционного сопровождения частиц *вон*, *вот* различие в типе объекта указания оказалось достаточно важным: для указания на объекты выбирается **обычно** УП (указательный палец), для указания на ситуации — ОЛ (открытая ладонь).¹¹⁷

Контексты, подобные (13)–(15), систематически размещаются авторами в заключительной части статьи, где подводятся итоги проведённой исследовательской работе и выводятся некоторые общие закономерности. К примеру, в (13) автор выделяет основные тенденции политики немецких оккупантов в области топонимии, проводившейся на советской территории; приводит перечень топонимов и сравнение

---

¹¹⁵ Ru-6. С. 72.

¹¹⁶ Ru-16. С. 27.

¹¹⁷ Ru-8. С. 26.

переименованных улиц в разных городах. В (14) характеризуются типичные реакции взрослого носителя языка на речевые ошибки детей в образовании глагольных форм и в употреблении глаголов. В (15) автор подводит итог изучению взаимосвязей между деиктическими словами *von* (указание на объекты), *von* (указание на ситуации) и жестами указания, которыми сопровождается актуализация упомянутых единиц в речи. Устанавливаются типичные жесты для указания на объекты и на ситуации соответственно.

Следует также обратить внимание на то, что в приведённых контекстах наряду с маркерами общеизвестности употребляются средства, индицирующие намерение автора обобщить изложенные в статье положения и сделать вывод на их основе: ср. *итак* (13), *выявил* (14) и *как видим* (15). Таким образом отнесение данных контекстов к тем группам примеров, в которых высказывания с МО употребляются в других функциях, исключено.

2.5. Сочетание маркеров общеизвестности с указаниями на конкретный источник информации

В п. 2.2.1 мы кратко изложили некоторые положения монографии Д. Коутсантони¹¹⁸, особо отметив, что в данной работе проводится строгое разграничение маркеров общеизвестности, указывающих на общий источник информации и средств указания на конкретные источники информации — ссылок, являющихся показателем интертекстуальности в научном дискурсе.

Анализ языкового материала в рамках нашего исследования выявил факты совместного употребления маркеров общеизвестности и ссылок с указанием автора и года издания конкретного произведения в одном и том же контексте.

(16) Dabei müssen nicht alle Nomen klassifiziert werden. Grinevald (2000, 2002) zufolge betreffen die Informationen **typischerweise** materielle, physikalische oder funktionale Eigenschaften des Objekts.¹⁸ Konkret geben sie Auskunft darüber, ob das Objekt hart, weich, flüssig, rund, eckig, natürlich, künstlich gefertigt, essbar, nicht essbar, belebt, unbelebt, menschlich, tierisch, göttlich ist, usw.¹¹⁹

(17) Einige Studien weisen darauf hin, dass das Modalverb sollen sich in der Regel nicht mit direkten Zitaten verbinden lässt, d. h. es kommt in einem längeren

---

¹¹⁸ Koutsantoni D. Developing Academic Literacies. Understanding Disciplinary Communities' Culture and Rhetoric. Bern, 2013.

¹¹⁹ Dt-14. S. 330.

zusammenhängenden Textabschnitt, welcher direkte Zitate enthält, **normalerweise** nicht vor (vgl. v. a. Mortelmans 2009, Vliegen 2010). Die Verwendung des Konjunktiv I sei in solchen Kontexten hingegen nicht problematisch.¹²⁰

(18) То, что для русского языка приводится существительное, а для английского — прилагательные, не случайно; в английском языке, **как хорошо известно** [Вежбицкая 1996], именно прилагательные формируют основное ядро лексических средств выражения эмоций, в то время как в русском основные средства выражения эмоциональных состояний – это глаголы, существительные и предикативные прилагательные в конструкции с дательным падежом (мне грустно).¹²¹

(19) Стандартные определения страдательного залога (например, в [Мельчук 2004]) **обычно** оговаривают, что по материальному, денотативному содержанию пассивное предложение не отличается от соответствующего активного. Мы думаем, что это не совсем так. Например, временная отнесенность у страдательной конструкции далеко не всегда та же, что у действительной.¹²²

Совместное употребление таких маркеров, как, в частности, *typischerweise*, *normalerweise* / *как хорошо известно*, *обычно* и ссылок на работы других исследователей, наблюдаемое в контекстах (16)–(19), было установлено в **7** контекстах из немецкоязычного корпуса и в **5** контекстах из корпуса научных статей на русском языке. Вся совокупность контекстов приведена в Приложении 1 и Приложении 2; контексты, сходные с (16)–(19), выделены подчёркиванием.

Одновременное употребление МО и ссылок может рассматриваться как подтверждение мысли Д. Коутсантони о необходимости различения исследуемых маркеров и средств, указывающих на конкретный источник информации. В то время как ссылки даются автором для нейтрального указания на работы его предшественников, релевантные для конкретной статьи, высказывания с маркерами общеизвестности реализуют свой прагматический потенциал и используются автором для вовлечения читателя в коммуникацию за счёт обращения к фонду его знаний и презентации своей позиции в аргументации. Маркеры общеизвестности, таким образом, отсылают реципиента научного сообщения не к конкретным текстам определённого научного направления, а к некоему знанию, сформированному на основе совокупности текстов данной области.

---

¹²⁰ Dt-17. S. 451–452.

¹²¹ Ru-15. С. 66.

¹²² Ru-1. С. 27.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Под маркерами общеизвестности (МО) в научном тексте понимаются лексические и лексико-грамматические средства, которые используются автором для ввода в текст высказываний, отсылающих реципиента текста к знанию, закреплённому в конкретном научном сообществе и ратифицированному его представителями. Принимая во внимание роль МО в организации смысловой связности отдельных текстов как единиц научного дискурса, мы можем рассматривать изучаемые средства как прагматические (дискурсивные) маркеры.

На материале 20 статей из журнала «Zeitschrift für germanistische Linguistik» и 20 статей из журнала «Вопросы языкознания» было выявлено 17 и 15 единиц соответственно, использовавшихся для указания на общеизвестные положения.

По своей структуре большая часть МО в немецкоязычных текстах представлена однословными лексическими единицами разной частиречной принадлежности. Среди многословных единиц выделяются предложные и причастные группы, придаточное и простое двусоставное предложение. В русскоязычном корпусе текстов основная часть маркеров имеет форму словосочетания или предложения: предложные группы, вводные конструкции, сочетание наречие + глагол. Однословные единицы представлены исключительно наречиями.

Можно утверждать, что семантика маркеров общеизвестности имеет полевою структуру, в которой ядро образуют единицы с семами 'общеизвестно' / 'общепринято', в то время как на периферии находятся лексемы, в значении которых присутствуют семы традиционности, повторяемости, типичности какого-либо действия / факта.

В письменных научных сообщениях высказывания с МО выполняют следующие функции:

- (1) апелляция автора к общеизвестному положению с целью его подтверждения;
- (2) апелляция автора к общеизвестному положению с целью его опровержения;
- (3) введение и описание определения общепринятого понятия или типичного примера;
- (4) обобщение положений научной статьи (случай функциональной транспозиции).

Совместное употребление маркеров общеизвестности и именных ссылок, установленное в 7 контекстах немецкоязычного корпуса и в 5 контекстах корпуса русскоязычных статей, рассматривается как достаточное основание для разграничения указаний на конкретный источник информации и средств, используемых для ввода общепринятых положений.

ГЛАВА 3. ВЫСКАЗЫВАНИЯ С МАРКЕРАМИ ОБЩЕИЗВЕСТНОСТИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

3.1. Лингвокультурная специфика письменной научной коммуникации

Согласно Х. Вайнриху, было бы неправомерно говорить о едином языке науки, так как «существует много наук, и каждая использует свой профессиональный язык».¹²³ Помимо того, научная коммуникация может иметь специфические различия в каждом конкретном лингвокультурном сообществе, невзирая на принцип интернациональности, который традиционно считается неотъемлемой чертой научного стиля.¹²⁴

Внимание исследователей к лингвокультурным особенностям научной коммуникации способствовало появлению ряда работ, в которых производится контрастивный анализ научных текстов.¹²⁵ Среди исследований, использующих сопоставительный подход, наибольший интерес для нас представляют работы, в которых проводится сравнение немецкоязычных и русскоязычных научных статей (см. А. Breitkopf. «Subjektivität in deutschen und russischen Zeitschriftenartikeln»¹²⁶; А. Breitkopf, I. Vassileva «Osteuropäischer Wissenschaftsstil»¹²⁷).

Сопоставляя статьи немецких и российских социологов, А. Брайткопф выделяет следующие черты, наиболее ярко проявившиеся в немецкоязычных текстах:

---

¹²³ «... es gibt viele Wissenschaften, und jede hat ihre Fachsprache.» — Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache. Berlin/New York. 1989. S. 122.

¹²⁴ Graefen G. Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation. Frankfurt am Main, 1997. S. 68.

¹²⁵ См.: Schwarze S. Wissenschaftsstile in der Romania: Frankreich/Italien. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Campus Verlag, Frankfurt/New York, 2007. S. 185–210; Kotthoff H. Vortragsstile im Kulturvergleich: Zu einigen deutsch-russischen Unterschieden. In: Perspektiven auf Stil. Tübingen: Niemeyer, 2001. S. 321–350; Baßler H. Russische, deutsche und angloamerikanische Zeitschriftenabstracts der Soziologie: Worin unterscheiden sie sich? In: Sprache und politischer Wandel. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. S. 189–212. и многие другие.

¹²⁶ Breitkopf A. Wissenschaftsstile im Vergleich: Subjektivität in deutschen und russischen Zeitschriftenartikeln der Soziologie. Freiburg im Breisgau, 2006.

¹²⁷ Breitkopf A., Vassileva I. Osteuropäischer Wissenschaftsstil. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt/New York, 2007. S. 211–224.

- (1) **нелинейная, разветвлённая структура**, которая коррелирует с иерархией внутри немецкоязычного научного сообщества и достигается за счёт авторских экскурсов, отклоняющихся от главной темы научной статьи;
- (2) **открытая критика** — по большей части, в текстах немецкоязычных авторов встречаются негативные отзывы в адрес конкретного исследователя, работы или положения;
- (3) **асимметрия** — длина разных текстовых сегментов оказывается неравной;
- (4) **ориентация на содержание** — немецкие авторы концентрируются прежде всего на фактах, о которых собираются сообщить в статье, а не на облегчении понимания текста для читателя, как это свойственно англоязычной лингвистике;
- (5) **активное использование безличных и пассивных конструкций** во избежание употребления форм первого лица единственного числа.¹²⁸

В сравнении с немецкоязычными текстами русскоязычные статьи обнаруживают как черты сходства, так и различия:

- (1) **нелинейная структура** проявляется в статьях отечественных авторов в большей степени; в структуре статьи образуется множество тематических центров;
- (2) **критика идеологических противников**, цитаты из марксистской и из художественной литературы — очевидно, что А. Брайткопф при анализе ориентировалась скорее на научные статьи, опубликованные в годы советской власти; для актуального этапа научного и общественного развития апелляция к трудам марксистских деятелей нерелевантна;
- (3) **осторожность, часто имплицитное выражение критики** — по сравнению с авторами немецких текстов, русскоязычные авторы не имеют обыкновения высказывать резкую критику тех или иных положений или научных концепций.¹²⁹

В статье Брайткопф и Василевой, всесторонне освещающей специфику стиля текстов, созданных научными сообществами Восточной Европы, дополнительно выделяются иные особенности русскоязычных научных текстов:

---

¹²⁸ Breitkopf A. Wissenschaftsstile im Vergleich: Subjektivität in deutschen und russischen Zeitschriftenartikeln der Soziologie. Freiburg im Breisgau, 2006. S. 14–17.

¹²⁹ Там же, S. 17–18.

(4) **избегание эксплицитных способов выражения авторизации** — в этой связи можно говорить о том, что в научных текстах на русском языке прослеживается тенденция, противоположная тенденции, которая сложилась в англоязычной лингвистике и заключается в свободном употреблении местоимения первого лица единственного числа. Однако, как отмечают сами авторы статьи, за последнее время эта тенденция в русскоязычной лингвистике подверглась некоторым изменениям в сторону большей субъективности,¹³⁰ попав под влияние англоязычной традиции.

(5) **активное использование метатекстовых средств**, с некоторой вероятностью свидетельствующее об ориентации на читателя (по сравнению с немецкими авторами, которые чаще используют анафорические / катафорические отсылки к сказанному ранее / последующему изложению, в русскоязычных статьях типично только маркирование смены темы: «переходим, собственно, к нашим наблюдениям», «приведем примеры» и т. д.), который, впрочем, должен иметь общий с автором фонд знаний, так как, помимо метатекстовых указателей, русскоязычные авторы склонны к частому использованию таких модальных слов, как *конечно*, *естественно* в качестве отсылок к положениям, воспринимающимся в научном сообществе как общеизвестные (в таком употреблении значение слов *конечно*, *естественно* будет приближаться к значению выражения *wie wir alle wissen*). При этом, после употребления модальных слов не обязательно следует положение, противоречащее сказанному ранее, как это обыкновенно случается в немецкоязычном тексте — иными словами, «конечно» и «естественно» далеко не всегда используются для ввода утверждений, противоречащих общеизвестным фактам.

Как видим, внимание исследователей сосредоточено в основном на рассмотрении различий в макроструктуре текстов на двух языках и в стратегиях выражения критики, в то время как расхождения в употреблении лексических и лексико-грамматических средств, служащих для введения определённых композиционно-прагматических сегментов статьи, остаются за рамками такого рассмотрения. Факт недостаточной изученности использования маркеров

---

¹³⁰ Breitkopf A., Vassileva I. Osteuropäischer Wissenschaftsstil. In: Reden und Schreiben in der Wissenschaft. Frankfurt/New York, 2007. S. 211–221.

общеизвестности в научных текстах на немецком и русском языках обусловил выбор сопоставительного подхода для настоящего исследования.

Более активное использование метатекстовых средств (в частности, модальных слов, отсылающих читателя к общепринятым положениям), отмечаемое авторами применительно к русскоязычному научному дискурсу, является, на наш взгляд, основанием для интерпретации описываемых далее различий в употреблении высказываний с МО как лингвокультурных.

3.2. Различия в употреблении высказываний с МО в немецко- и русскоязычных научных текстах

Результаты проведённого исследования позволяют говорить о различной частотности высказываний с маркерами общеизвестности в корпусе статей из журнала «Zeitschrift für germanistische Linguistik» и корпусе статей из журнала «Вопросы языкознания». Также отмечается функциональная асимметрия высказываний с исследуемыми маркерами. В данном разделе приводятся статистические данные, иллюстрирующие различия в употреблении высказываний с МО по двум корпусам контекстов.

3.2.1. Количественная асимметрия

В первую очередь отмечается расхождение в долях высказываний с МО по корпусам научных статей на немецком и на русском языках. Так, на суммарный объём немецкоязычного корпуса (20 статей, 20 350 предикаций) приходится 52 контекста, в которых выявлено использование маркеров общеизвестности. Из этих количественных показателей рассчитывается общая доля высказываний с МО, которая составляет 0,3% для данного корпуса.

На общий объём русскоязычного корпуса (20 статей, 16 497 предикаций) приходится 64 контекста с включением маркеров общеизвестности; исходя из этих данных, общая доля высказываний с МО по русскоязычному корпусу оценивается в 0,4%.

Иными словами, если в среднем на 20–24 страницы немецкоязычной статьи приходится около двух высказываний с МО, то их количество в тексте русскоязычной статьи будет составлять в среднем от трёх и более.

Расхождение в 0,1% следует признать существенным, если учитывать, что доля таких единиц, как оценочные компоненты / элементы хеджинга / другие

прагматические маркеры в научных текстах довольно мала,¹³¹ поскольку научное изложение в целом носит обобщённо-отвлечённый и объективный характер.

3.2.2. Распределение высказываний с МО в тексте статьи и их функциональная асимметрия

Распределение высказываний с МО по основным элементам макроструктуры научной статьи обнаруживает сходные тенденции в обоих корпусах текстов (см. нижеследующую таблицу).

Таблица 3. Распределение контекстов по основным элементам макроструктуры научной статьи

Корпус статей из ZGL	52 (100%)
(1) Введение	12 (23%)
(2) Основная часть	34 (65%)
(3) Заключение	2 (4%)
(4) Паратекст (сноски)	4 (8%)

Корпус статей из ВЯ	64 (100%)
(1) Введение	18 (28%)
(2) Основная часть	40 (63%)
(3) Заключение	2 (4,5%)
(4) Паратекст (сноски)	2 (4,5%)

Вопреки ожиданиям, большая часть высказываний с МО сосредоточена в основной части статьи, а не во введении, где формулируется исходная исследовательская позиция. Вероятно, данное наблюдение можно объяснить тем, что опирающаяся на научную традицию аргументация, в которой основном используются высказывания с МО, приводится в основной, а не во вводной части статьи. Однако заметим, что в русскоязычном корпусе доля высказываний с МО, расположенных во введении, оказывается на 5% выше, чем в корпусе статей на немецком языке. Это может объясняться тем, что немецкоязычным статьям по лингвистике свойственно более чёткое структурирование, чем аналогичным статьям на русском языке, допускающим во введении более общие вводные экскурсы, в которых уместно использование маркеров общеизвестности.

¹³¹ Д. Коутсантони, в частности, приводит статистические данные, полученные на англоязычном материале: доля элементов хеджинга (в том числе маркеров общеизвестности, рассматриваемых автором наряду с хеджингом) составляет, по подсчётам исследователя, 7%. Коутсантони, с. 169.

Очередное расхождение наблюдается в использовании высказываний с МО в паратексте — по большей части, в тексте сносок. Однако на основании собранного материала нельзя сделать однозначный вывод о том, что наблюдаемое расхождение носит лингвокультурный характер, так как далеко не все авторы включают в текст статей развёрнутые сноски, ограничиваясь лишь именными ссылками на работы других исследователей.

Гораздо более явное расхождение сказывается в том, что высказывания с МО употребляются в немецком корпусе статей в трёх функциях, в то время как в корпусе статей из ВЯ наблюдаются случаи функциональной транспозиции (см. таблицу 6).

Таблица 4. Функциональная асимметрия высказываний с МО

Корпус статей из ZGL	52 (100%)
(1) Апелляция с подтверждением	28 (53%)
(2) Апелляция с опровержением	5 (10%)
(3) Ввод общепринятого определения / типичного примера	19 (37%)
(4) Обобщение новых положений (функциональная транспозиция)	—

Корпус статей из ВЯ	64 (100%)
(1) Апелляция с подтверждением	33 (52%)
(2) Апелляция с опровержением	11 (17%)
(3) Ввод общепринятого определения / типичного примера	12 (18%)
(4) Обобщение новых положений (функциональная транспозиция)	8 (13%)

Кроме того, следует заметить, что число высказываний с МО, использованных в функции (2), в русском корпусе оказывается в два раза больше, чем в корпусе статей из ZGL. Не исключено, что посредством опровержения высказываний с маркерами общеизвестности может имплицитно выражаться критика определённых научных положений, типичная для текстов русскоязычного научного дискурса в целом, по мнению А. Брайткопф.¹³²

Также отмечается тот факт, что в немецкоязычном корпусе доля высказываний с МО, употребляемых для введения общепринятого определения или типичного примера, существенно выше, чем в русскоязычном корпусе.

Тем не менее, на основании приведённых данных можно сделать общий для двух корпусов вывод об употреблении высказываний с МО в той или иной функции, отметив, что более половины таковых высказываний используются авторами научных

¹³² См. п. 3.1.

статей для апелляции к мнению, традиционному в рамках конкретного научного сообщества, и для его дальнейшего подтверждения в аргументации.

3.3. Перенос норм одного лингвокультурного профессионального сообщества в другое

Как описано выше, количественные и функциональные различия, выявленные в употреблении высказываний с МО в корпусах статей на немецком и русском языках, можно рассматривать как соответствующие тем или иным нормам коммуникации, конвенционализированным в конкретном лингвокультурном профессиональном сообществе. В этой связи нас интересовал вопрос о возможности перенесения норм одного сообщества в другое, который рассматривался на материале трёх научных статей по лингвистике — Й. Г. Шнайдера¹³³, Е. В. Падучевой¹³⁴ и Е. Смирновой¹³⁵ в соавторстве с Г. Дивальд.¹³⁶

Статья Й. Г. Шнайдера, посвящённая проблемам грамматики устной речи имеет средние показатели встречаемости контекстов с МО по немецкоязычному корпусу (всего в тексте статьи обнаружено 2 контекста употребления МО), в то время как в статье Е. В. Падучевой количество высказываний с включением МО достигает 6. Такой показатель несколько отдалается от усреднённого (напомним, среднее количество высказываний с МО в русскоязычной статье — чуть больше 3-х), однако признаётся вполне типичным для лингвистических научных текстов на русском языке (для сравнения, в статье Е. А. Гришиной¹³⁷ было обнаружено 5 контекстов с МО, а в статье С. Бирцер¹³⁸ — 8).

---

¹³³ Schneider J. G. Hat die gesprochene Sprache eine eigene Grammatik? Grundsätzliche Überlegungen zum Status gesprochensprachlicher Konstruktionen und zur Kategorie ‚gesprochenes Standarddeutsch‘. Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2011. Nr. 39. S. 165–187.

¹³⁴ Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего. Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–19.

¹³⁵ Smirnova E., Diewald G. Kategorien der Redewiedergabe im Deutschen: Konjunktiv I versus sollen. Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2013. Nr. 41 (3). S. 443–471.

¹³⁶ Результаты сравнительного анализа высказываний с МО в перечисленных статьях нашли своё отражение в следующей публикации: Лингвокультурные различия в употреблении высказываний с маркерами общеизвестности в научном тексте. Актуальные проблемы романо-германской филологии: сб. ст. I Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. — Коломна, 2017. Вып. 1. С. 103–107.

¹³⁷ Гришина Е. А. Указания рукой как система. Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 3–51.

¹³⁸ Бирцер С. Развитие предлога «отступя от». Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 69–85.

В статье Е. Смирновой и Г. Дивальд, над которой одновременно работали представители российского и немецкого научного сообществ, было выявлено 6 контекстов, в которых употребляются маркеры общеизвестности, причём замечено использование высказываний во всех трёх функциях. Так, 3 высказывания из 6 выполняют функцию (3) — ввод общепринятого определения / типичного примера:

(20) Die Lesart von eingebettetem sollen wie in (11‘) wird **in der Regel** „Bericht-im-Bericht“ genannt; diese ist für einen Satz mit Konjunktiv I zwar denkbar, aber höchst unwahrscheinlich.¹³⁹

(21) **Grundsätzlich** wurden alle sollte-Formen ausgeschlossen, da diese entweder eine deontische, wie in (28), oder eine epistemische Lesart haben, wie in (29), nicht aber (ausschließlich) reportiv gedeutet werden können.¹⁴⁰

В (21) маркер общеизвестности *grundsätzlich* реализует не своё основное значение (‘первичный’, ‘основной’), а приближается по своей семантике к единицам *im Prinzip / prinzipiell*.

(22) **In der Regel** muss also eine vorherige Identifizierung des zitierten Sprechers — sei es explizit durch einen einbettenden Matrixsatz oder durch eine aus dem Kontext rekonstruierbare Information — gewährleistet sein, damit eine Konjunktiv I-Form verwendet werden kann.¹⁴¹

В (22) посредством маркера *In der Regel* вводится в текст известное читателю-профессиональному лингвисту грамматическое правило.

В остальных контекстах высказывания с МО используются в функции (1) — апелляция к общеизвестному положению с целью его подтверждения: (23) — и (2) — апелляция к общеизвестному положению с целью его опровержения: (24), (25):

(23) Der Konjunktiv I und das Modalverb sollen sind sich in vielen Aspekten sehr ähnlich, wie eingangs erwähnt. Sie dienen, ganz allgemein gesagt, der indirekten Redewiedergabe. **Bekanntlich** weisen sie aber auch einige nicht zu vernachlässigende Unterschiede im Gebrauch auf, die von ihrer Nicht-Synonymität im Deutschen zeugen. Im Folgenden werden die in der Literatur häufig diskutierten Distinktionen kurz vorgestellt und erläutert.¹⁴²

---

¹³⁹ Dt-17. S. 453.

¹⁴⁰ Dt-17. S. 462.

¹⁴¹ Dt-17. S. 451.

¹⁴² Dt-17. S. 450.

(24) Einige Studien weisen darauf hin, dass das Modalverb sollen sich in der Regel nicht mit direkten Zitaten verbinden lässt, d. h. es kommt in einem längeren zusammenhängenden Textabschnitt, welcher direkte Zitate enthält, **normalerweise** nicht vor (vgl. v. a. Mortelmans 2009, Vliegen 2010). Die Verwendung des Konjunktiv I sei in solchen Kontexten hingegen nicht problematisch.¹⁴³

(25) Reportive Bedeutung andererseits gehört nicht in die Kategorie der Versetzungsdeixis, da sie keine Verschiebung der Origo beinhaltet. Sie ist Teil der semantisch-funktionalen Kategorie der Evidentialität, die **allgemein** als Kennzeichnung der Informationsquelle definiert ist (vgl. insbesondere Willet 1988, Aikhenvald 2004, Diewald & Smirnova 2010).¹⁴⁴

Если о разнообразии функций высказываний с МО в рамках одной статьи необходимо говорить с должной осторожностью, так как оно варьируется в зависимости от индивидуального стиля автора, то разница количественных показателей является более или менее стабильным признаком, релевантным для совокупности текстов на том или ином языке. На основании числа интересующих нас высказываний в рассматриваемой статье, несвойственного корпусу немецкоязычных лингвистических статей в целом, мы делаем вывод о состоявшемся переносе норм научного формулирования, принятых в одном лингвокультурном профессиональном сообществе, в другое.

Тем не менее, следует помнить о том, что данный вывод носит гипотетический характер: языкового материала, выбранного для анализа, недостаточно для того, чтобы с уверенностью утверждать о закономерности переноса норм институциональной коммуникации в тех случаях, когда авторы конструируют текст на языке другого научного сообщества.

---

¹⁴³ Dt-17. S. 451–452.

¹⁴⁴ Dt-17. S. 448.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Научная коммуникация может иметь характерные различия в отдельно взятых лингвокультурных профессиональных сообществах: это соображение обусловило выбор сопоставительного подхода в трудах многих исследователей, в т. ч. и в настоящей работе. Сравнивая немецко- и русскоязычные статьи по социологии, А. Брайткопф выделяет ряд черт, специфических для немецкого и русского научных стилей: для первого характерна разветвлённая структура наряду с открытым выражением критики, асимметрией текстовых сегментов, ориентацией на содержание, а также высокой частотностью безличных и пассивных конструкций. Русскоязычные научные тексты, которые также избегают эксплицитной авторизации и тяготеют к нелинейной структуре, отличают стратегии имплицитного выражения критики и активное использование метатекстовых средств, в частности, маркеров общеизвестности.

В употреблении высказываний с МО наблюдаются различия по корпусам рассматриваемых текстов. Ввиду того, что доля высказываний с исследуемыми маркерами в немецком корпусе ниже, чем в русском, можно говорить о количественной асимметрии в использовании данных высказываний.

Наряду с количественной асимметрией наблюдается и функциональная: изучаемые высказывания употребляются в трёх функциях в корпусе статей на немецком языке и в четырёх функциях (с учётом случаев функциональной транспозиции) — в корпусе статей отечественных лингвистов.

Помимо различий можно наблюдать и сходства в использовании высказываний с МО авторами-носителями немецкого и русского языков. Говоря о сходных тенденциях в обоих корпусах, мы имеем в виду практически идентичное распределение высказываний с МО по основным элементам макроструктуры научных статей, а также тот факт, что количество высказываний, употреблённых в конкретной функции, в некоторых случаях лишь незначительно разнится в научных текстах на немецком и русском языках.

Различия в употреблении высказываний с МО представляются нам соответствующими определённым нормам коммуникации, принятым в конкретных лингвокультурных профессиональных сообществах. На примере статьи, авторы которой представляют немецко- и русскоязычные научные коллективы, доказана возможность переноса норм, закрепившихся в одном сообществе, в другое.

Тем не менее, следует помнить о том, что данный вывод носит гипотетический характер: языкового материала, выбранного для анализа, недостаточно для того, чтобы с уверенностью утверждать о закономерности переноса норм институциональной коммуникации в тех случаях, когда авторы конструируют текст на языке другого научного сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе был предпринят сопоставительный анализ высказываний с маркерами общеизвестности и их функционирования в лингвистических научных статьях на немецком и русском языках. На основании проведённого исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в работе уточняется понятие маркеров общеизвестности и формулируется определение данного понятия. Согласно сформулированному определению, в группу МО входят лексические и лексико-грамматические средства, используемые для введения в научный текст высказываний, которые отсылают реципиента — лингвиста-профессионала — к знаниям, закрепившимся в сознании конкретного научного сообщества. Помимо этого, в работе даётся описание инвентаря маркеров общеизвестности в немецко- и русскоязычном корпусах научных статей и выделяются основные структурные типы данных маркеров. Также была предпринята попытка конкретизировать значение исследуемых единиц с помощью методов, принятых в современных семантических исследованиях.

Во-вторых, систематизация сведений о нормах ведения научной коммуникации позволила установить, что использование маркеров общеизвестности обусловлено необходимостью реализации стратегий и тактик, которые направлены на формирование нового объективного знания о языковых явлениях с опорой на старое знание, ратифицированное представителями лингвистического научного сообщества.

В-третьих, было доказано, что высказывания с маркерами общеизвестности, в отличие от ссылок на работы других исследователей, отсылают читателя не к конкретным текстам лингвистического дискурса, но к общепринятым положениям, сформированным на основе тематически связанной совокупности текстов и закреплённом в коллективном сознании научного сообщества.

В-четвёртых, были выявлены и описаны дискурсивно-прагматические функции, выполняемые высказываниями с маркерами общеизвестности в реальных контекстах научной коммуникации. Утверждается, что первичная функция высказываний с МО заключается в презентации автора в тексте как профессионального учёного, представителя лингвистического научного сообщества. Кроме того, было установлено, что в абсолютном большинстве контекстов из немецко- и русскоязычного корпусов статей высказывания с МО используются авторами как средство для аргументации

собственной позиции. Как следствие, были выделены более частные прагматические функции, в которых высказывания с МО встречались в аргументации.

В-пятых, в работе были перечислены и проанализированы типичные контексты, в которых реализуется прагматический потенциал высказываний с маркерами общеизвестности. Приведённые статистические данные, отражающие употребление маркеров общеизвестности в текстах статей немецких и отечественных авторов, позволили сделать вывод о различной частотности высказываний с МО в лингвистических текстах. Отдельно были проанализированы случаи функциональной транспозиции высказываний МО в ряде контекстов. Тот факт, что эти контексты были сосредоточены исключительно в русскоязычном корпусе, позволяет предполагать наличие функциональной асимметрии и лингвокультурной специфики в употреблении высказываний с МО в текстах на немецком и русском языках.

Наконец, был проведён анализ избранных контекстов статьи, авторы которой представляют разные лингвокультурные профессиональные сообщества, и сделан вывод о возможности переноса норм одного лингвокультурного сообщества в другое.

Приведённые выводы подтверждают выполнение всех исследовательских задач, поставленных в начале работы над выбранной темой.

Перспективой для дальнейших исследований может стать, в первую очередь, увеличение объёма анализируемого языкового материала: в связи с тем, что доля высказываний с маркерами общеизвестности в научных текстах крайне мала, расширение корпуса немецко- и русскоязычных статей по лингвистике, собранного в ходе исследования (в т. ч. в сторону текстов учебно-научного и научно-популярного подстилей), позволит повысить репрезентативность выборки примеров и рассмотреть вопрос о границах научного и индивидуального авторского стилей. Кроме того, определённый интерес представляет сопоставительный анализ текстов научного и иных (политический, медийный, бытовой и т. п.) дискурсов на предмет употребления в коммуникации высказываний с маркерами общеизвестности. Также, одним из актуальных направлений разработки темы данного исследования станет более основательный анализ логических взаимосвязей между старым научным знанием, которое служит опорной точкой для авторской аргументации, и новым знанием, которое автор выводит в тексте научной статьи. Таким образом, в дальнейших исследованиях функционирования высказываний с МО предполагается необходимым сделать акцент на когнитивном аспекте научного дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Библиографический список

- [1] Арутюнова Н. Д. Дискурс. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. [Текст] / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 136–137.
- [2] Данилевская Н. В. Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аксиологический аспект): автореф. дисс. докт. филол. наук [Текст] / Н. В. Данилевская. — Екатеринбург, 2006. — 401 с.
- [3] Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. — Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
- [4] Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Жеребило. — Назрань: «Пилигрим», 2010. — 486 с.
- [5] Журавлёва Д. А. Лингвистический дискурс: к проблеме определения позиции в дискурсивной типологии [Текст] / Д. А. Журавлёва // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 10. — С. 59–62.
- [6] Занина Е. Л. Обучение коммуникативной стратегии смягчения позиции автора в научной статье (на материале научных статей по теории менеджмента) [Текст] / Е. Л. Занина // Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихолингвистический анализ. — 2013. — С. 103–114.
- [7] Карасик В. И. О категориях дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Тверской лингвистический меридиан. — 2007. — С. 57–68.
- [8] Когут С. В. Дискурсивные маркеры в научном тексте: этнокультурный и дискурсивный аспекты (на русском и немецком языковом материале). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук [Текст] / С. В. Когут. — Томск, 2016. — 171 с.
- [9] Кожина М. Н. Научный стиль. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / М. Н. Кожина. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 696 с.
- [10] Кондратенко П. И. Лингвокультурные различия в употреблении высказываний с маркерами общеизвестности в научном тексте [Текст] / П. И. Кондратенко // Актуальные проблемы романо-германской филологии: сб. ст. I Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. — Коломна, 2017. — Вып. 1. — С. —103–107.

- [11] Кравцова Е. В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса [Текст] / Е. В. Кравцова // Вестник ЮУрГУ. — 2012. — № 25. — С. 130–131.
- [12] Кузнецова И. Е. Отражение вариативности языковых единиц в «Номенклатуре» И. Копиевского [Текст] / И. Е. Кузнецова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2014. — Вып. 2. — С. 463–470.
- [13] Нефёдов С. Т. Автореференция в научном лингвистическом дискурсе [Текст] / С. Т. Нефёдов // XLIII Международная филологическая конференция. Избранные труды. — 2015. — С. 313–320.
- [14] Нефёдов С. Т. Эпистемические «сдвиги» в модальности научного текста [Текст] / С. Т. Нефёдов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. — 2016. — № 9. — С. 133–140.
- [15] Резанова З. И., Когут С. В. Функционирование дискурсивных маркеров в научном тексте: этнокультурные и дискурсивные детерминации [Текст] / З. И. Резанова, С. В. Когут // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 1(39). — С. 62–79.
- [16] Фадеева Г. М. «Лексикон — текст — дискурс» с позиций исследовательской практики [Текст] / Г. М. Фадеева // Вестник МГЛУ: Гуманитарные науки. — 2009. — № 559. — С. 90–99.
- [17] Хилханова Э. В. Критический анализ дискурса: принципы, методы и практика (на примере дискурса СМИ) [Текст] / Э. В. Хилханова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — № SA. — С. 136–140.
- [18] Хомутова Т. Н. Структура научной статьи [Текст] / Т. Н. Хомутова // Наука ЮУрГУ. Материалы 67-й научной конференции. — 2015. — С. 922–929.
- [19] Черненко И. Г. Возможности когнитивного подхода в исследовании философской аргументации [Текст] / И. Г. Черненко // Когнітологія в системі гуманітарних наук: зб. наук. праць. — Полтава, 2013. — С. 100–106.
- [20] Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность [Текст] / В. Е. Чернявская. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 245 с.
- [21] Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. Учебное пособие [Текст] / В. Е. Чернявская. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 128 с.
- [22] Чернявская В. Е. Научный дискурс. Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема [Текст] / В. Е. Чернявская. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 144 с.

- [23] Baßler H. Russische, deutsche und angloamerikanische Zeitschriftenabstracts der Soziologie: Worin unterscheiden sie sich? [Текст] / H. Baßler // Sprache und politischer Wandel. — 2003. — S. 189–212.
- [24] Auer P., Baßler H. Der Stil der Wissenschaft [Текст] / P. Auer, H. Baßler // Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — 2007. — S. 9–31.
- [25] Baßler H. Diskussionen nach Vorträgen bei wissenschaftlichen Tagungen [Текст] / H. Baßler // Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — 2007. — S. 133–156.
- [26] Bluhm C., Deissler D., Scharloth J., Stukenbrock A. Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven [Текст] / C. Bluhm, D. Deissler, J. Scharloth, A. Stukenbrock // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. — 2000. — Vol. 31, Heft 86. — S. 4–12.
- [27] Breitkopf A. Wissenschaftsstile im Vergleich: Subjektivität in deutschen und russischen Zeitschriftenartikeln der Soziologie [Текст] / A. Breitkopf. — Freiburg im Breisgau: Rombach, 2006. — 197 S.
- [28] Breitkopf A., Vassileva I. Osteuropäischer Wissenschaftsstil [Текст] / A. Breitkopf, I. Vassileva // Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — 2007. — S. 211–224.
- [29] Busch-Lauer L.-A. Abstracts [Текст] / L.-A. Busch-Lauer // Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — 2007. — S. 99–114.
- [30] Busse D., Teubert W. Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven [Текст] / D. Busse, W. Teubert. — Wiesbaden: Springer, 2013. — 431 S.
- [31] Castelo L. P., Mónaco L. M. The Might of ‘Might’: a Mitigating Strategy in Eighteenth and Nineteenth Century Female Scientific Discourse [Текст] / L. P. Castelo, L. Mónaco // Revista Canaria de Estudios Ingleses. — 2016. — № 72. — P. 143–168.
- [32] Fraser B. What are discourse markers? [Текст] / B. Fraser // Journal of Pragmatics. — 1999. — № 31. — P. 931–952.
- [33] Fraser B. An Account of Discourse Markers [Текст] / B. Fraser // International Review of Pragmatics. — 2009. — № 1. — P. 1–28.
- [34] Fritz G. Einführung in die historische Semantik. Germanistische Arbeitshefte, Band 42 [Текст] / G. Fritz. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2005. 247 S.
- [35] Graefen G. Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation [Текст] / G. Graefen. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997. — 357 S.
- [36] Graefen G., Thielmann W. Der Wissenschaftliche Artikel [Текст] / G. Graefen, W. Thielmann // Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — 2007. — S. 67–98.

- [37] Gumperz. J. J. Sharing Common Ground [Текст] / I. Keim, W. Schütte // Soziale Welten und kommunikative Stile. Festschrift für Werner Kallmeyer zum 60. Geburtstag. — 2002. — Band 22. — S. 47–55.
- [38] Günthner S., Knoblauch H. Wissenschaftliche Diskursgattungen — PowerPoint et al [Текст] / S. Günthner, H. Knoblauch // Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — 2007. — S. 53–66.
- [39] Holly W. Beziehungsmanagement und Imagearbeit [Текст] / W. Holly // HSK 16.2. — S. 1382–1393.
- [40] Hyland K. The Author in the Text: Hedging Scientific Writing [Текст] / K. Hyland // Hong Kong Papers in Linguistics and Language Teaching. — 1995. — № 18. — P. 33–42.
- [41] Hyland K. Writing without conviction? Hedging in scientific research articles [Текст] / K. Hyland // Applied Linguistics. — 1996. — № 17 (4). — P. 433–454.
- [42] Kotthoff H. Vortragsstile im Kulturvergleich: Zu einigen deutsch-russischen Unterschieden [Текст] / H. Kotthoff // Perspektiven auf Stil. — 2001. — S. 321–350.
- [43] Koutsantoni D. Developing Academic Literacies. Understanding Disciplinary Communities' Culture and Rhetoric [Текст] / D. Koutsantoni. — Bern: Peter Lang, 2013. — 305 p.
- [44] Mair Chr. Kult des Informellen — auch in der Wissenschaftssprache? Zu neueren Entwicklungen des englischen Wissenschaftsstils [Текст] / Chr. Mair // Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — 2007. — S. 157–184.
- [45] Neef M. Satzgliedfunktionen im Deutschen: eine realistische Weiterentwicklung [Текст] / M. Neef // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2014. — Nr. 42(3). — S. 420–455.
- [46] Niehr Th. Einführung in die linguistische Diskursanalyse [Текст] / Th. Niehr. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2014. — 139 S.
- [47] Parkinson J. English for Science and Technology [Текст] / J. Parkinson // The Handbook of English for Specific Purposes. Edit. B. Paltridge, S. Starfield. — 2013. — P. 155–175.
- [48] Schwarze S. Wissenschaftsstile in der Romania: Frankreich/Italien [Текст] / S. Schwarze // Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — 2007. — S. 185–210.
- [49] Spitzmüller J., Warnke I. H. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse [Текст] / J. Spitzmüller, I. H. Warnke. — Berlin/Boston: de Gruyter, 2011. — 229 S.

- [50] Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache [Текст] / H. Weinrich // Jahrbuch / Akademie der Wissenschaften zu Berlin. — 1989. — S. 119–159.

Список источников иллюстративного материала

- [1] Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты [Текст] / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. — 2011. — № 1. — С. 19–52.
- [2] Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты (2) [Текст] / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. — 2011. — № 2. — С. 63–88.
- [3] Бахмутова И. А. Лингвистические и социолингвистические особенности литературного немецкого языка российских немцев-меннонитов Омской области [Текст] / И. А. Бахмутова // Вопросы языкознания. — 2012. — № 3. — С. 122–145.
- [4] Бирцер С. Развитие предлога «отступя от» / С. Бирцер // Вопросы языкознания. — 2011. — № 3. — С. 69–85.
- [5] Глебкин В. В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона [Текст] / В. В. Глебкин // Вопросы языкознания. — 2012. — № 3. — С. 51–69.
- [6] Гришина Е. А. Указания рукой как система [Текст] / Е. А. Гришина // Вопросы языкознания. — 2012. — № 3. — С. 3–51.
- [7] Дацишина М. В. Язык как инструмент власти: немецкий язык для временно оккупированных советских территорий 1941–1945 [Текст] / М. В. Дацишина // Вопросы языкознания. — 2012. — № 1. — С. 66–88.
- [8] Журавлев А. Ф. Фреквентарий мотивных элементов в мифологиях мира [Текст] / А. Ф. Журавлев // Вопросы языкознания. — 2011. — № 2. — С. 39–62.
- [9] Зельдович Г. М. Синтетический пассив совершенного вида на –ся: Почему его (почти) нет? [Текст] / Г. М. Зельдович // Вопросы языкознания. — 2010. — № 2. — С. 3–37.
- [10] Казаковская В. В. Реактивные реплики взрослого и усвоение ребёнком грамматики родного языка [Текст] / В. В. Казаковская // Вопросы языкознания. — 2010. — № 3. — С. 3–29.
- [11] Касаткин Л. Л. Орфоэпема как основная единица орфоэпии [Текст] / Л. Л. Касаткин // Вопросы языкознания. — 2011. — № 2. — С. 31–38.

- [12] Касаткина Р. Ф. Русский язык ищет артикль [Текст] / Р. Ф. Касаткина // Вопросы языкознания. — 2012. — № 2. — С. 3–10.
- [13] Падучева Е. В. ИмPLICITное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией [Текст] / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. — 2011. — № 1. — С. 3–19.
- [14] Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего [Текст] / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. — 2011. — № 3. — С. 3–19.
- [15] Перцов Н. В., Пильщиков И. А. О лингвистических аспектах текстологии [Текст] / Н. В. Перцов, И. А. Пильщиков // Вопросы языкознания. — 2011. — № 5. — С. 3–30.
- [16] Поляков С. М. Основные способы реализации семантики сожаления в современном английском языке [Текст] / С. М. Поляков // Вопросы языкознания. — 2010. — № 3. — С. 59–73.
- [17] Рогова А. С. Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье [Текст] / А. С. Рогова // Вопросы языкознания. — 2010. — № 4. — С. 27–35.
- [18] Семенов В. В. К проблеме метрической неоднозначности в русском неклассическом стихе XX в. [Текст] / В. В. Семенов // Вопросы языкознания. — 2011. — № 2. — С. 97–110.
- [19] Скулачева Т. В., Буякова М. В. Стих и проза: сочинение и подчинение [Текст] / Т. В. Скулачева, М. В. Буякова // Вопросы языкознания. — 2010. — № 2. — С. 37–55.
- [20] Шилов А. Л. Топонимические маркеры путей экспансии восточных славян в Подмоскowie [Текст] / А. Л. Шилов // Вопросы языкознания. — 2010. — № 2. — С. 55–64.
- [21] Agel V., Fischer K. 50 Jahre Valenztheorie und Dependenzgrammatik [Текст] / V. Agel, K. Fischer // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2010. — Nr. 38. — S. 249–290.
- [22] Auer P. „Wie geil ist das denn?“ Eine neue Konstruktion im Netzwerk ihrer Nachbarn [Текст] / P. Auer // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2016. — Nr. 44 (1). — S. 69–92.
- [23] Bucker J. Jein: Formen und Funktionen einer Dialogpartikel in Mündlichkeit und Schriftlichkeit [Текст] / J. Bucker // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2013. — Nr. 41 (2). — S. 189–211.

- [24] Hagemann J. Typographie und Textualität [Текст] / J. Hagemann // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2013. — Nr. 41 (1). — S. 40–64.
- [25] Imo W. Das Adverb „jetzt“ zwischen Zeit- und Gesprächsdeixis [Текст] / W. Imo // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2010. — Nr. 38. — S. 25–58.
- [26] Keseling G. Alltagssprachliche Schreibausdrücke. Wie Autoren ihre Aktivitäten und die dabei erzielten Produkte nennen [Текст] / G. Keseling // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2010. — Nr. 38. — S. 59–87.
- [27] Lemke M., Stulpe A. Text und soziale Wirklichkeit. Theoretische Grundlagen und empirische Anwendung von Text-Mining-Verfahren in sozialwissenschaftlicher Perspektive [Текст] / M. Lemke, A. Stulpe // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2015. — Nr. 43 (1). — S. 52–83.
- [28] Lindemann K., Ruoss E., Weininger C. Dialogizität und sequenzielle Verdichtung in der Forenkommunikation: Editieren als kommunikatives Verfahren [Текст] / K. Lindemann, E. Ruoss, C. Weininger // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2014. — Nr. 42 (2). — S. 223–252.
- [29] Lobin H. Visualität und Multimodalität in wissenschaftlichen Präsentationen [Текст] / H. Lobin // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2013. — Nr. 41 (1). — S. 65–80.
- [30] Mroczynski R. Zur Herausbildung des Diskursmarker „ja“. Grammatikalisierung oder Pragmatikalisierung? [Текст] / R. Mroczynski // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2013. — Nr. 41 (1). — S. 127–152.
- [31] Müller H.-G. Zur textpragmatischen Funktion der Groß- und Kleinschreibung des Deutschen [Текст] / H.-G. Müller // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2014. — Nr. 42 (1). — S. 1–25.
- [32] Nübling D. Die Bismarck – der Arena – das Adler. Vom Drei-Genus- zum Sechsklassen-System bei Eigennamen im Deutschen: Degrammatikalisierung und Exaptation [Текст] / D. Nübling // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2015. — Nr. 43 (2). — S. 306–344.
- [33] Oya T. Das Zustandsreflexiv — eine adjektivische Konstruktion [Текст] / T. Oya // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2010. — Nr. 38. — S. 203–223.
- [34] Pentzold Ch., Fraas C., Meier S. Online-mediale Texte: Kommunikationsformen, Affordanzen, Interfaces [Текст] / Ch. Pentzold, C. Fraas, S. Meier // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2013. — Nr. 41 (1). — S. 81–101.

- [35] Sahel S. Kasusreaktion durch das Lexem voll Kasusvariation, aber kein Genitivschwund [Текст] / S. Sahel // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2010. — Nr. 38. — S. 291–313.
- [36] Scherer C. Das Deutsche und die dräuenden Apostrophe. Zur Verbreitung von 's im Gegenwartsdeutschen [Текст] / C. Scherer // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2010. — Nr. 38. — S. 1–24.
- [37] Schleef E. Sprache und Geschlecht im universitären Diskurs [Текст] / E. Schleef // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2012. — Nr. 40 (1). — S. 1–34.
- [38] Schneider J. G. Hat die gesprochene Sprache eine eigene Grammatik? Grundsätzliche Überlegungen zum Status gesprochensprachlicher Konstruktionen und zur Kategorie ‚gesprochenes Standarddeutsch‘ [Текст] / J. G. Schneider // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2011. — Nr. 39. — S. 165–187.
- [39] Smirnova E., Diewald G. Kategorien der Redewiedergabe im Deutschen: Konjunktiv I versus sollen [Текст] / E. Smirnova, G. Diewald // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2013. — Nr. 41 (3). — S. 443–471.
- [40] Speyer A. Auch früher wollte man informieren – Zum Einfluss der Informationsstruktur auf die Syntax in der Geschichte des Deutschen [Текст] / A. Speyer // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2015. — Nr. 43 (3). — S. 485–515.

Словари и справочники

- [1] Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник [Текст] / З. Е. Александрова. — М.: Русский язык, 2001. — 568 с.
- [2] Большой энциклопедический словарь. Языкознание. [Текст] / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.
- [3] Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / Под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 696 с.
- [4] Словарь современного русского литературного языка. Том пятый: И–К [Текст] / Ред.: А. М. Бабкин, Ю. С. Сорокин. — М./Л.: Издательство АН СССР, 1956. — 1918 с.
- [5] Словарь современного русского литературного языка. Том восьмой: О [Текст] / Ред.: Л. С. Ковтун, И. Н. Шмелева. — М./Л.: Издательство АН СССР, 1959. — 1840 с.

- [6] Словарь современного русского литературного языка. Том одиннадцатый: Пятью [Текст] / Ред.: Е. Э. Биржакова, Р. П. Рогожникова. — М./Л.: Издательство АН СССР, 1961. — 1842 с.
- [7] Словарь современного русского литературного языка. Том четырнадцатый: Сосям [Текст] / Ред.: Л. И. Балахонова, Л. А. Войнова. — М./Л.: Издательство АН /СССР, 1963. — 1390 с.
- [8] Словарь современного русского литературного языка. Том пятнадцатый: Т [Текст] / Ред.: Г. А. Качевская, Е. Н. Толикина. — М./Л.: Издательство АН СССР, 1963. — 1286 с.
- [9] Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. [Электронный ресурс]: эл. система словарей и эл. корпус текстов на немецком языке. / Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. — режим доступа: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 19.04.2017).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ВЫСКАЗЫВАНИЯ С МО В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Перечень источников текстов

Dt-1: Carmen Scherer. Das Deutsche und die dräuenden Apostrophe. Zur Verbreitung von 's im Gegenwartsdeutschen. ZGL 2010 002 — ZGL 38.2010, 1–24.	24 стр. 1 контекст с МО
Dt-2: Wolfgang Imo. Das Adverb jetzt zwischen Zeit- und Gesprächsdeixis. ZGL 2010 003 — ZGL 38.2010, 25–58.	34 стр. 2 контекста с МО
Dt-3: Gisbert Keseling. Alltagssprachliche Schreibausdrücke. Wie Autoren ihre Aktivitäten und die dabei erzielten Produkte nennen. ZGL 2010 004 — ZGL 38.2010, 59–87.	29 стр. 2 контекста с МО
Dt-4: Toshiaki Oya. Das Zustandsreflexiv – eine adjektivische Konstruktion. ZGL 2010 014 — ZGL 38.2010, 203–223.	21 стр. 1 контекст с МО
Dt-5: Vilmos Ágel / Klaus Fischer. 50 Jahre Valenztheorie und Dependenzgrammatik. ZGL 2010 016 — ZGL 38.2010, 249–290.	42 стр. 4 контекста с МО
Dt-6: Said Sahel. Kasusrektion durch das Lexem voll Kasusvariation, aber kein Genitivschwund. ZGL 2010 017 — ZGL 38.2010, 291–313.	22 стр. 0 контекстов с МО
Dt-7: Jan Georg Schneider. Hat die gesprochene Sprache eine eigene Grammatik? Grundsätzliche Überlegungen zum Status gesprochen Sprachlicher Konstruktionen und zur Kategorie ‚gesprochenes Standarddeutsch‘. ZGL 2011 014 — ZGL 39.2011, 165–187.	23 стр. 2 контекста с МО
Dt-8: Erik Schlee. Sprache und Geschlecht im universitären Diskurs. ZGL 2012 0002 — ZGL 2012; 40(1): 1–34.	34 стр. 1 контекст с МО
Dt-9: Jörg Hagemann. Typographie und Textualität. ZGL 2013 0003 — ZGL 2013; 41(1): 40–64.	25 стр. 2 контекста с МО
Dt-10: Henning Lobin. Visualität und Multimodalität in wissenschaftlichen Präsentationen. ZGL 2013 0004 — ZGL 2013; 41(1): 65–80.	16 стр. 2 контекста с МО
Dt-11: Christian Pentzold, Claudia Fraas, Stefan Meier. Online-mediale Texte: Kommunikationsformen, Affordanzen, Interfaces. ZGL 2013 0005 — ZGL 2013; 41(1): 81–101.	21 стр. 1 контекст с МО
Dt-12: Robert Mroczynski. Zur Herausbildung des Diskursmarker ja. Grammatikalisierung oder Pragmatikalisierung? ZGL 2013 0007 — ZGL 2013; 41(1): 127–152.	26 стр. 1 контекст с МО
Dt-13: Jörg Bücker. Jein: Formen und Funktionen einer Dialogpartikel in Mündlichkeit und Schriftlichkeit. ZGL 2013 0012 — ZGL 2013; 41(2): 189–211.	23 стр. 3 контекста с МО
Dt-14: Damaris Nübling. Die Bismarck – der Arena – das Adler Vom Drei-Genus- zum Sechs-Klassen-System bei Eigennamen im Deutschen: Degrammatikalisierung und Exaptation. ZGL 2015 0016 — ZGL 2015; 43(2): 306–344.	39 стр. 6 контекстов с МО
Dt-15: Peter Auer. „Wie geil ist das denn?“ Eine neue Konstruktion im Netzwerk ihrer Nachbarn. ZGL 2016 0003 — ZGL	24 стр. 1 контекст с МО

2016; 44(1): 69–92.	
Dt-16: Matthias Lemke, Alexander Stulpe. Text und soziale Wirklichkeit Theoretische Grundlagen und empirische Anwendung von Text-Mining-Verfahren in sozialwissenschaftlicher Perspektive. ZGL 2015 0003 — ZGL 2015; 43(1): 52–83.	32 стр. 1 контекст с МО
Dt-17: Elena Smirnova, Gabriele Diewald. Kategorien der Redewiedergabe im Deutschen: Konjunktiv I versus sollen. ZGL 2013 0024 — ZGL 2013; 41(3): 443–471.	29 стр. 6 контекстов с МО
Dt-18: Katrin Lindemann, Emanuel Ruoss, Caroline Weinzinger. Dialogizität und sequenzielle Verdichtung in der Forenkommunikation: Editieren als kommunikatives Verfahren. ZGL 2014 0014 — ZGL 2014; 42(2): 223–252.	30 стр. 5 контекстов с МО
Dt-19: Hans-Georg Müller. Zur textpragmatischen Funktion der Groß- und Kleinschreibung des Deutschen. ZGL 2014 0001 — ZGL 2014; 42(1): 1–25.	25 стр. 3 контекста с МО
Dt-20: Augustin Speyer. Auch früher wollte man informieren – Zum Einfluss der Informationsstruktur auf die Syntax in der Geschichte des Deutschen. ZGL 2015 0025 — ZGL 2015; 43(3): 485–515.	31 стр. 8 контекстов с МО

Распределение высказываний с МО по функциям

1) Указание на общеизвестное положение / практику как опора для авторской аргументации (28)

Введение	<p>Dt-2. S. 26 Da Gespräche ja typischerweise im Hier-und-Jetzt stattfinden, scheint die hohe Rekurrenz von jetzt auf den ersten Blick durch häufige Verweise auf die Sprechsituation der Interagierenden zu erklären zu sein.</p> <p><u>Dt-9. S. 54–55¹⁴⁵</u> <u>Betrachtet man das typographische Relief von Texten als semiotische Ressource, ist zu klären, welchen Zeichentypen makro- und mikrotypographische Gestaltungselemente zuzuordnen sind. Peirce (1935/1958) unterscheidet bekanntlich zwischen dem Symbol, das in einer arbiträren und konventionellen Relation zum Denotat steht, dem Ikon, das eine visuelle Ähnlichkeit zum Abgebildeten aufweist, und dem Index, das in Form eines Kausalzusammenhangs auf etwas anderes hinweist.</u></p> <p>Dt-7. S. 169 Es handelt sich hier um einen typisch gesprochen sprachlichen Konstruktionswechsel. Das Finitum <i>kann</i> lässt zunächst zahlreiche Projektionen zu; etwa a) <i>kann ich dich total gut verstehen</i>, oder b) <i>kann ich total gut nachvollziehen</i>. Nach der Äußerung des Personalpronomens <i>dich</i> werden diese Möglichkeiten reduziert, b) beispielsweise wird syntaktisch</p>
----------	---

¹⁴⁵ Подчёркиванием в тексте приложения выделены контексты, в которых использование маркеров общеизвестности сочетается с указанием на конкретный источник информации.

	<p>eindeutig ausgeschlossen: Die von <i>kann ich dich</i> ausgehende Projektion wird durch das Verb <i>nachvollziehen</i> nicht eingelöst. Anders herum betrachtet, könnte man auch sagen: Das Personalpronomen <i>dich</i> wird am Ende der Phrase sozusagen wieder ‚getilgt‘ – insofern haben wir es hier auch mit einer Retraktion zu tun (ebd.:52). In der geschriebenen Sprache würde man solche Formulierungen in der Regel korrigieren, bevor man sie zur Rezeption freigibt.</p> <p>Dt-11. S. 82 Und welchen Wert hat es, von kommunikativen Möglichkeiten und Potenzialen des Netzes zu sprechen, auf die allenthalben verwiesen wird? Eine Klärung der mit diesen wenigen Fragen angedeuteten Verhältnisse ist entscheidend, um die Textualitätsbedingungen online-medialer Zeichenverbände zu erklären. Grundsätzlicher regen diese Fragen dazu an, Textualität im Blick auf die Sichtbarkeit und Sichtbarmachung sprachlicher und nicht-sprachlicher Zeichen in grafischen Interfaces zu verstehen und auf diesem Weg online-mediale Texte als Bedingung und Ergebnis des Kommunizierens online zu erfassen.</p> <p>Dt-14. S. 307 (Einleitung) Auch bezüglich Genus weichen Eigennamen vom Normalfall ab. In der Regel kommt ihnen nämlich eine besondere, referentielle Genuszuweisung zu: Nur die Kenntnis des benannten Referenzobjekts erlaubt die richtige Genuszuweisung.</p> <p>Dt-17. S. 450 Der Konjunktiv I und das Modalverb sollen sich in vielen Aspekten sehr ähnlich, wie eingangs erwähnt. Sie dienen, ganz allgemein gesagt, der indirekten Redewiedergabe. Bekanntlich weisen sie aber auch einige nicht zu vernachlässigende Unterschiede im Gebrauch auf, die von ihrer Nicht-Synonymität im Deutschen zeugen. Im Folgenden werden die in der Literatur häufig diskutierten Distinktionen kurz vorgestellt und erläutert.</p> <p>Dt-19. S. 6 Tatsächlich dienen Diskurse vorrangig dazu, die Attribute von Diskursinstanzen darzustellen, zu ändern, zu erfragen oder anderweitig zur Disposition zu stellen. Für Diskursinstanzen unterhalb der Satzebene, die in der Regel (aber nicht immer) aus semantisch-konzeptuellen Klassen abgeleitet werden, kann der Attributbegriff dabei durchaus grammatisch verstanden werden, wenngleich nicht jedes Attribut einer Diskursinstanz auch grammatisch als Attribut realisiert werden muss.</p> <p>Dt-20. S. 486 Das Verständnis der Pragmatik historischer Texte ist von grundlegender Wichtigkeit, denn die Entschlüsselung der Intentionen hinter dem Geschriebenen, die Gewichtung einzelner Inhalte oder auch nur das Behalten des Überblicks über die beteiligten Referenten ist grundsätzlich ein wesentlicher Teil des Verstehens eines Textes.</p>
Основная часть	<p>Dt-8. S. 10 Der quantitativen Analyse ist eine Funktionsanalyse der sprachlichen Mittel</p>

vorausgegangen, die verschiedenste Unterfunktionen und lexikalische Einheiten identifiziert hat, die diese Funktionen erfüllen können, nämlich *ja, nun, gut, so, okay*, Sprache und Geschlecht im universitären Diskurs *ne/nich?, nicht wahr?, oder?* und verschiedene Fragetypen. Hier muss aber darauf hingewiesen werden, dass die Auswahl funktioneller Varianten eine große Schwäche soziolinguistischer Untersuchungen auf der Diskursebene darstellt, da sie Varianten von Diskursmarkern betrifft, die nicht vollständig semantisch äquivalent sein können, deren Erscheinen **normalerweise** nicht vorausgesagt werden kann und für die eine komplementäre Verteilung im engen Sinne nicht wirklich angenommen werden kann, da es nicht möglich ist, alle Varianten auf der Diskursebene in die Untersuchung einzubeziehen.

Dt-10. S. 69

In wissenschaftlichen Präsentationen wird **üblicherweise** mit sprachlichen oder gestischen Mitteln auf die visuell dargebotenen Daten verwiesen. Dies kann durch eine explizite verbale Aufforderung durch den Redner an das Auditorium geschehen, die Aufmerksamkeit auf die Projektionswand zu lenken, oder durch direkte Zeigegesten auf die Projektionsfläche bewirkt werden. Neben diesen expliziten Verweisen ist in wissenschaftlichen Präsentationen auch eine Bandbreite weiterer direkter und indirekter Deixis zu finden.

Dt-10. S. 73 (?)

Ein zentrales Problem von Präsentationen als multimodalen Artefakten stellt die Deutung von Diagrammen, insbesondere von abstrakten Visualisierungen dar. Die **normalerweise** verwendeten visuellen Elemente und auch die Funktion von Beschriftungen sind hochgradig polysem und zudem zweidimensional angeordnet, so dass Verfahren einer linearen, auf klaren semantischen Zuordnungen beruhenden Analyse von vornherein ausscheiden.

Dt-12. S. 141

Aus den eben vorgestellten Pragmatikalisierungsparametern lässt sich zusammenfassend die Frage beantworten, was ich unter Pragmatikalisierung verstehe: Es handelt sich um einen Prozess, in dem ein sprachliches Zeichen eine diskursive Funktion übernimmt. Dieser Prozess wird **in der Regel** von semantischer Entleerung und syntaktischer und phonologischer Selbständigkeit flankiert.

Dt-13. S. 193

Der Grund dafür liegt darin, dass jein anders als ja oder nein keine eindeutige Akzeptanz oder Nicht-Akzeptanz des jeweils zur Disposition stehenden Äußerungsgegenstands zum Ausdruck bringt und aus diesem Grund die konditionelle Relevanz des ersten Paarglieds (meist eine Entscheidungsfrage) **normalerweise** nicht alleine einlösen kann.

Dt-14. S. 316

Belebtheit ist **generell** ein zentraler benennungsfördernder Faktor. So erklärt sich, dass die Erstnennung von Bergnamen (hier auf Tirol bezogen) „eher spät, erst im 16. Jahrhundert“ beginnt; sie „erhält im 18. Jahrhundert einen gewissen Zuwachs und explodiert förmlich im 19. Jahrhundert“ (Rampl 2014, 360).

Dt-14. S. 319

Auch ist noch ungeklärt, ob sich der primäre Artikel ohne Weiteres koordinieren lässt oder nicht: Wir sind auf dem Rhein und Ø Neckar unterwegs, d. h. seine Zugehörigkeit zum Namenkörper scheint zu variieren. Hier ist, **wie dies generell für** die Namengrammatik **gilt**, noch viel korpusbasierte Forschung erforderlich.

Dt-14. S. 330

Dabei müssen nicht alle Nomen klassifiziert werden. Grinevald (2000, 2002) zufolge betreffen die Informationen **typischerweise** materielle, physikalische oder funktionale Eigenschaften des Objekts.18 Konkret geben sie Auskunft darüber, ob das Objekt hart, weich, flüssig, rund, eckig, natürlich, künstlich gefertigt, essbar, nicht essbar, belebt, unbelebt, menschlich, tierisch, göttlich ist, usw.

Dt-14. S. 334

Degrammatikalisierungen legen bei ihrer Linksbewegung **typischerweise** nur kurze Schritte zurück. Dominoeffekte kommen hier nicht vor, wie dies (manchmal) für die Gegenbewegung gilt.

Dt-15. S. 76

Von den negativ-bewertenden Adjektiven kommen lediglich peinlich (26), krank (17), blöd (16), absurd (14) und lächerlich (15) öfter als zehnmals vor. (Dieses kompensatorische Verhältnis zwischen types und tokens **gilt allgemein** für evaluative Ausdrücke, d. h. es ist nicht konstruktionstypisch.)

Dt-18. S. 231

Über die „Lesepräsenz“ der Rezipientinnen haben Autorinnen **grundsätzlich** keine Kenntnis, weshalb sie zum Zeitpunkt der Publikation ihrer Postings nicht wahrnehmen können, wann – und ob – diese überhaupt rezipiert werden.

Dt-19. S. 8

Unabhängig von ihren semantischen Eigenschaften lassen sich Substantive **allgemein** als diskursive Gegenstände auffassen, die im Text in propositionale Zusammenhänge zueinander gestellt werden.

Dt-20. S. 495 (s. S. 494)

Bei Herausstellung nach rechts ist **grundsätzlich** zwischen Besetzung des Nachfelds (was keine Herausstellung im eigentlichen Sinn ist, da das Nachfeld zum Satzrahmen gehört) und Bewegung ins rechte Außenfeld zu unterscheiden.

Dt-20. S. 497

Die Auslagerung nach rechts dient im heutigen Deutsch verschiedenen Funktionen (Übersicht z. B. bei Hoberg 1997). Im Besonderen soll hier die Informationsentflechtung, eine spezielle Form der Topikmarkierung sowie eine Form der Fokussierung genannt werden. Andere typische Aufgaben wie z. B. die Anfügung kommunikativer Rückkopplungssignale (Tag-Questions) oder der Nachtrag als ‚Planungsfehler‘ werden nicht mitbehandelt, da sie einerseits für schriftliche Texte **grundsätzlich** weniger relevant sein dürften

	<p>(und bei historischen Texten arbeiten wir ja, trotz eventueller performativer Mündlichkeit, mit schriftlichen Texten), andererseits zumindest bei solchen performativ bedingten Phänomenen wie dem Nachtrag als Planungsfehler kaum mit einer Änderung zu rechnen wäre, da wir nicht davon ausgehen sollten, dass sich die kognitive Kapazität in der Sprachverarbeitung seit dem Mittelalter entscheidend geändert hat.</p> <p><u>Dt-20. S. 499</u> <u>Wie sind die Funktionen der – allgemein gesprochen – Stellung von Konstituenten hinter der rechten Satzklammer in älteren Sprachstufen des Deutschen? Hierzu ist zunächst zu bemerken, dass allgemein Material rechts von der Satzklammer in älteren Sprachstufen häufiger ist; es ist ganz klar eine Tendenz weg von der Herausstellung nach rechts zu konstatieren (Schildt 1976).</u></p>
Заключение	<p>Dt-1. S. 22–23 Die Verfasser solcher Texte haben im Allgemeinen ein besonderes Interesse daran, die Aufmerksamkeit einer bestimmten Zielgruppe zu erregen und die Speicherung der vermittelten Botschaft zu erleichtern.</p>
Паратекст	<p>Dt-2. S. 51 Gemeinhin werden in der Construction Grammar allerdings sowohl einzelne Wörter als auch Wortarten als Konstruktionen aufgefasst. Croft (2002) verwendet hierbei u.a. die Begriffe der spezifischen (z.B. Wörter) und der schematischen Konstruktionen (z.B. Wortarten, Satzmuster, Flexionsmuster u.ä.).</p> <p>Dt-3. S. 76 Dokumentation der Schreibausrücke Die Angaben innerhalb eines Artikels sind normalerweise wie folgt angeordnet: In der Überschrift wird die jeweilige Sache (oder Sachgruppe) genannt, und wenn nötig wird diese am Artikelanfang noch erläutert. Es folgt eine Aufzählung der Ausdrücke, mit denen die Sache benannt wurde bzw. benannt werden kann.</p> <p>Dt-3. S. 84 Im Vergleich dazu ist ein Abschnitt oder eine Passage im Allgemeinen kürzer; ein Abschnitt hat einen markierten Anfang und ein markiertes Ende und ist so etwas wie eine Sinneinheit, wohingegen mit einer Passage ein meist kleinerer zusammenhängender Textausschnitt gemeint ist, dessen Anfang und Ende nicht markiert sein muss und den man z.B. beim erneuten Lesen herausgreifen und zitieren kann.</p> <p>Dt-5. S. 280 Wir beschränken uns hier (a) auf den (<i>üblicheren</i>) formalen Rektionsbegriff und (b) auf die Diskussion morphologisch markierter Rektion. Im Prinzip schließt formale Rektion auch die Determination von Topologie und Prosodie ein.</p>

2) Актуализация позиции автора в тексте, отличной от общеизвестного положения (5)

Введение	<p>Dt-7. S. 171 Typisch für die populäre Sprachkritik ist es, bei solchen sprachlichen Zweifelsfällen jeweils nur eine mögliche Regelformulierung anzusetzen und Alternativen gar nicht erst zu erwähnen. Verfasser normativer Grammatikregeln, die der Realität des Sprachgebrauchs zuwiderlaufen, müssen sich die Frage gefallen lassen, ob ihre Regelformulierungen nicht inadäquat sind, da sie auf unzutreffenden Regelbeschreibungen beruhen. <i>(представление позиции критиков языка как неприемлемой для исследования устной речи)</i></p>
Основная часть	<p>Dt-5. S. 281 In einer Substantivgruppe wie den (Acc) billigen (Acc) Wein, bei der man gewöhnlich annimmt, dass das Determinans (den) der Kopf und das Substantiv (Wein) der Kern ist, kann man drei verschiedene Rektionsrelationen (= R) ausmachen.</p> <p><u>Dt-17. S. 451–452</u> <u>Einige Studien weisen darauf hin, dass das Modalverb sollen sich in der Regel nicht mit direkten Zitaten verbinden lässt, d. h. es kommt in einem längeren zusammenhängenden Textabschnitt, welcher direkte Zitate enthält, normalerweise nicht vor (vgl. v. a. Mortelmans 2009, Vliegen 2010). Die Verwendung des Konjunktiv I sei in solchen Kontexten hingegen nicht problematisch.</u></p> <p>Dt-18. S. 241 Zusammenfassend lässt sich feststellen, dass durch diese Variante der dialogischen Fremdeditierung eine Verlagerung der dialogischen Organisation der Forenkommunikation von der Ebene des Threads auf die Ebene des Postings stattfindet: Eine dialogische Episode, die sich in einem Forum typischerweise über zwei oder mehr Beiträge erstreckt, wird in diesem Beispiel von den Teilnehmerinnen in einem einzigen Posting zusammengeführt.</p> <p>Dt-19. S. 18 Überschriften und Werktitel bilden in der Regel rein thematische Textbestandteile und übernehmen darüber hinaus gliedernde Funktionen. Die Operationalisierungskriterien der Attribuierung und anaphorischen Wiederaufnahme lassen sich nicht anwenden. Dennoch können Überschriften und Werktitel in das Modell der diskursiven Instantiierung integriert werden.</p>
Заключение	—
Паратекст	—

3) Введение и объяснение типичного / общепринятого примера, понятия (19)

3а) введение определения понятия (7)

Введение	Dt-9. S. 41
----------	-------------

	<p>Sprache ist, ganz grundsätzlich gesehen, auf konkrete Realisierungsformen angewiesen, wenn der Zweck, für den sie ein Mittel ist, soll erreicht werden können: Sprachliche Kommunikation existiert nur in mündlicher oder schriftlicher Form,¹ als Vokalisierung oder Visualisierung.</p> <p><u>Dt-17. S. 448</u> <u>Reportive Bedeutung andererseits gehört nicht in die Kategorie der Versetzungsdeixis, da sie keine Verschiebung der Origo beinhaltet. Sie ist Teil der semantisch-funktionalen Kategorie der Evidentialität, die allgemein als Kennzeichnung der Informationsquelle definiert ist (vgl. insbesondere Willet 1988, Aikhenvald 2004, Diewald & Smirnova 2010).</u></p> <p>Dt-18. S. 228 Foren sind üblicherweise in sogenannten Threads organisiert, die aus mehreren (in Ausnahmefällen nur einzelnen) Postings bestehen.</p>
Основная часть	<p>Dt-13. S. 199 Jein befindet sich typischerweise turninitial und syntaktisch desintegriert im zweiten Slot einer Paarsequenz mit einem Format im ersten Slot, das auf Interpretationsleistungen und Verstehenshypothesen basiert, für deren Geltungsbedingungen die Ratifikation seitens des adressierten Gesprächspartners notwendig ist bzw. eingefordert wird.</p> <p><u>Dt-16. S. 64–65</u> <u>Allgemein verstehen Heyer et al. (2006, 3) unter Text-Mining „[...] computergestützte Verfahren für die semantische Analyse von Texten [...], welche die automatische bzw. semi-automatische Strukturierung von Texten, insbesondere sehr großen Mengen von Texten, unterstützen.“</u></p> <p>Dt-18. S. 230 Grundsätzlich gilt für asynchrone Kommunikation, dass Produktion und Rezeption eines Beitrags nicht gleichzeitig erfolgen können und dass dafür keine zeitgleiche Präsenz der Beteiligten erforderlich ist. Das bedeutet, dass eine Mitteilung nicht wie ein Gesprächsbeitrag interaktiv hergestellt wird, sondern alleiniges Produkt der Verfasserin ist, da die Wahrnehmung eines Beitrags sowie die Reaktion darauf erst nach dessen Publikation erfolgen und dadurch nicht in die Produktion des Beitrags einfließen können <...>.</p> <p>Dt-20. S. 494 Den Anfang macht die Herausstellung. Herausstellung kann grundsätzlich nach links, also vor den Satz, oder nach rechts, also hinter den Satz, erfolgen. Bei Herausstellung nach links ist zwischen zwei formal, aber auch informationsstrukturell klar getrennten Typen zu unterscheiden.</p>
Заключение	—
Паратекст	—

3б) введение типичного примера (12)

Введение	Dt-20. S. 486
----------	---------------

	<p>Grundsätzlich können pragmatische Faktoren in vielerlei Weise auf die Syntax einwirken: Beispielsweise wird ein Sprecher oder Schreiber seine Sprache und damit auch seine Syntax dem intendierten Adressatenkreis anpassen.</p>
<p>ОСНОВНАЯ часть</p>	<p>Dt-4. S. 209 Daraus ergibt sich nicht, dass das englische Verb wash eben diejenige Handlung darstellt, die man ‚normalerweise‘ an sich selbst durchführt.</p> <p>Dt-5. S. 267 Wohnen verlangt normalerweise eine zweite Ergänzung (?? Sie hat gewohnt.), die durch die Präpositionalgruppe in Kassel realisiert wird, während dieselbe Phrase in Relation zu sich das Bein brechen einen Umstand des Szenarios benennt, also Angabe ist.</p> <p>Dt-5. S. 273 Der Valenzträger in (37), lehren, verlangt eine adverbiale Ergänzung. Für (38) wird traditionell anlehnen als Valenzträger angenommen, der fakultativ mit einer adverbialen Ergänzung kombiniert werden kann.</p> <p>Dt-13. S. 193 Beispiel (1) zeigt, dass Interagierende mittels der Dialogpartikel jein ihren Turn als ein zweites Paarglied ausweisen, das die konditionelle Relevanz eines vorhergehenden Turns als dem ersten Paarglied einzulösen versucht (im Gegensatz etwa zu einer Einschubsequenz, einer uspendingung des Fragegegenstands oder einer im Sinne von Schegloff/Sacks (1973) „fehlplatzierten“ Folgeaktivität). Darüber hinaus spiegelt Beispiel (1) wider, dass jein im Gegensatz zu den Dialogpartikeln ja oder nein typischerweise nicht turnwertig, sondern integriert in einen komplexeren Turn verwendet wird (vgl. dazu aber auch Beispiel 4).</p> <p>Dt-14. S. 328 Grundsätzlich sind Oppositionen zwischen Klasse 5 und 6 zu Klasse 4 denkbar, etwa bei (homophonem) Ø Carolina (f.) ’ Frau vs. Ø Carolina (n.) amerikanische Provinz. Hier offenbart allenfalls die weitere Kongruenz die Klasse.</p> <p>Dt-17. S. 453 Die Lesart von eingebettetem sollen wie in (11‘) wird in der Regel „Bericht-im-Bericht“ genannt; diese ist für einen Satz mit Konjunktiv I zwar denkbar, aber höchst unwahrscheinlich.</p> <p>Dt-17. S. 462 Grundsätzlich wurden alle sollte-Formen ausgeschlossen, da diese entweder eine deontische, wie in (28), oder eine epistemische Lesart haben, wie in (29), nicht aber (ausschließlich) reportiv gedeutet werden können.</p> <p>Dt-17. S. 451 In der Regel muss also eine vorherige Identifizierung des zitierten Sprechers – sei es explizit durch einen einbettenden Matrixsatz oder durch eine aus dem Kontext rekonstruierbare Information – gewährleistet sein, damit eine Konjunktiv I-Form verwendet werden kann.</p>

	<p>Dt-18. S. 237</p> <p>Bereits in dieser frühen Form des Editierens sind also Spuren des Verdichtens erkennbar, denn es werden Textteile, die üblicherweise auf zwei Postings aufgeteilt werden, die aber inhaltlich und funktional aufeinander bezogen sind, in der Beitragsfläche eines einzigen Postings verdichtet dargestellt.</p> <p>Dt-20. S. 504</p> <p>Beispiel (10) zeigt ein Beispiel aus Schönherr (2012), bei dem die Emphase auf dem Experiencer druhtin ‚Herr‘ liegt. Wenngleich die Wortstellung in diesem Beispiel auch durch gattungsimmanente Faktoren (Reimzwang!) motiviert sein mag, deutet dieser Befund grundsätzlich in dieselbe Richtung wie Speyer (2011; 2013), dass nämlich die grammatisch unmarkierte Abfolge in den älteren Sprachstufen wesentlich weniger bereitwillig verlassen wurde als dies im heutigen Deutsch der Fall ist.</p>
Заключение	<p>Dt-20. S. 510</p> <p>Wenn nun eine bestimmte informationsstrukturell motivierte Bewegung, meinetwegen von neuen Elementen in die Zone rechts des Verbs, vorkommt, sind die so erzeugten Sätze grundsätzlich strukturell ambig: Sie könnten theoretisch eine Struktur haben, in der ein ursprünglich links des Verbs stehendes Element – z. B. das Objekt – an eine Stelle rechts vom Verb bewegt worden ist (14a), oder sie könnten theoretisch eine Struktur haben, in der das Element seine Ausgangsposition rechts des Verbes hat und gar keine Bewegung stattgefunden hat (14b).</p>
Паратекст	—

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ВЫСКАЗЫВАНИЯ С МО В РУССКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Перечень источников текстов

Ru-1: Г. М. Зельдович. Синтетический пассив совершенного вида на –ся: Почему его (почти) нет? 2010/2, 3–37.	35 стр. 7 контекстов с МО
Ru-2: Т. В. Скулачева, М. В. Буюкова. Стих и проза: сочинение и подчинение. 2010/2, 37–55.	19 стр. 1 контекст с МО
Ru-3: А. Л. Шилов. Топонимические маркеры путей экспансии восточных славян в Подмосковье. 2010/2, 55–64.	10 стр. 1 контекст с МО
Ru-4: Е. В. Падучева. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего. 2011/3, 3–19.	17 стр. 6 контекстов с МО
Ru-5: С. Бирцер. Развитие предлога <i>отступя от</i> . 2011/3, 69–85.	17 стр. 8 контекстов с МО
Ru-6: М. В. Дацишина. Язык как инструмент власти: немецкий язык для временно оккупированных советских территорий 1941–1945. 2012/1, 66–88.	23 стр. 2 контекста с МО
Ru-7: Р. Ф. Касаткина. Русский язык ищет артикль. 2012/2, 3–10.	8 стр. 3 контекста с МО
Ru-8: Е. А. Гришина. Указания рукой как система. 2012/3, 3–51.	49 стр. 5 контекстов с МО
Ru-9: В. В. Глебкин. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона. 2012/3, 51–69.	19 стр. 2 контекста с МО
Ru-10: И. А. Бахмутова. Лингвистические и социолингвистические особенности литературного немецкого языка российских немцев-меннонитов Омской области. 2012/3, 122–145.	24 стр. 2 контекста с МО
Ru-11: Е. В. Падучева. ИмPLICITное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией. 2011/1, 3–19.	17 стр. 2 контекста с МО
Ru-12: В. Ю. Апресян. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты. 2011/1, 19–52.	34 стр. 12 контекстов с МО
Ru-13: Л. Л. Касаткин. Орфоэпема как основная единица орфоэпии. 2011/2, 31–38.	8 стр. 2 контекста с МО
Ru-14: А. Ф. Журавлев. Фреквентарий мотивных элементов в мифологиях мира. 2011/2, 39–62.	24 стр. 2 контекста с МО
Ru-15: В. Ю. Апресян. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты (2). 2011/2, 63–88.	26 стр. 3 контекста с МО
Ru-16: В. В. Казаковская. Реактивные реплики взрослого и усвоение ребёнком грамматики родного языка. 2010/3, 3–29.	27 стр. 3 контекста с МО
Ru-17: С. М. Поляков. Основные способы реализации семантики сожаления в современном английском языке. 2010/3, 59–73.	15 стр. 2 контекста с МО
Ru-18: Н. В. Перцов, И. А. Пильщиков. О лингвистических аспектах текстологии. 2011/5, 3–30.	28 стр. 3 контекста с МО
Ru-19: В. В. Семенов. К проблеме метрической	14 стр.

неоднозначности в русском неклассическом стихе XX в. 2011/2, 97–110.	1 контекст с МО
Ru-20: А. С. Рогова. Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье. 2010/4, 27–35.	9 стр. 2 контекста с МО

Распределение высказываний с МО по функциям

1) Указание на общеизвестное положение / практику как опора для авторской аргументации (33)

Введение	<p>Ru-4. С. 4 Другой вид неканонической коммуникативной ситуации возникает в гипотаксисе: клауза в синтаксически подчиненной позиции, будь то даже речевой дискурс, в отличие от целого высказывания, обычно (хотя и не всегда) не имеет своего говорящего, см. примеры ниже. Эти два типа неканонических ситуаций надо иметь в виду, когда речь идет о применении толкования эгоцентрического слова в словаре к его реальному употреблению в тексте.</p> <p>Ru-4. С. 7 Как правило, если слово может употребляться, не меняя значения, в гипотаксическом контексте, то оно может употребляться и в нарративном и интерпретироваться через персонажа. В дальнейшем мы будем для простоты ограничиваться проверкой на гипотаксическое употребление, чтобы убедиться в возможности нарративного.</p> <p>Ru-5. С. 69 Настоящая работа продолжает исследование [Birzer 2010], посвященное процессам грамматикализации и лексикализации, в которых задействованы различные деепричастные формы. Переход деепричастной формы в разряд предлогов обычно рассматривается как случай грамматикализации. В теории грамматикализации немалое внимание уделяется семантическим изменениям, особенно семантическому выветриванию, однако не хватает инструментария, позволяющего детально описать эти изменения. Настоящая работа представляет собой попытку применить инструментарий Московской семантической школы к описанию семантических изменений при грамматикализации.</p> <p>Ru-7. С. 3 В качестве определенного квазиартикля обычно используются прилагательные со значением «тот самый»: пресловутый, нашумевший, небезызвестный, хваленый, а также знаменитый и известный, получающие в такой ситуации пейоративную окраску, ср. примеры: <...></p> <p>Ru-10. С. 122 В работах, посвященных языку российских немцев, основное внимание традиционно уделялось структурному описанию диалектов (см. обзора в работе [Verend, Jedig 1991]). Литературный немецкий язык находился скорее на периферии исследовательского интереса и обычно попадал в</p>
----------	---

	<p>поле внимания ученых только в связи с практическими задачами его преподавания.</p> <p>Ru-12. С. 24 Эмоции в английском обычно выражаются существительными (так, по данным BNC существительное pity встречается в двадцать раз чаще, чем глагол to pity) и в особенности прилагательными (по данным BNC, прилагательное sorry встречается в 7,6 раз чаще, чем существительное pity), а для передачи смысла типа «поведение, мотивированное эмоцией» или «действие, мотивированное эмоцией» используются аналитические конструкции вида have + имя эмоции, take + имя эмоции (ср.: to have pity, to take pity – «пожалеть»).</p> <p>Ru-14. С. 41 Вероятно, по той же причине в ПУ нет специальных позиций отец, мать, муж, жена, сын, дочь, брат, сестра: родственные отношения мифологических персонажей представляют, как мы знаем, настолько острый интерес для носителей мифотворческого сознания, что ситуация вполне подобна предыдущей.</p> <p>Ru-14. С. 42 Обращаясь к предметному (а не специально лексическому) указателю, сопровождающему какое-либо научное издание, заинтересованный читатель, как правило, намерен иметь дело с понятием (концептом), тогда как реально там ему предлагается перечень лексем и их сочетаний, то есть языковых единиц формального уровня (кода).</p> <p>Ru-16. С. 9 Конверсациональные реакции стимулируют ребенка главным образом к продолжению диалога и поэтому не прерывают реплицирования. Их основная функция – поддержать ребенка как партнера в диалоге, тем самым предоставив ему позитивные свидетельства для развития диалогических навыков. Корректирующая функция здесь вторична. Как правило, конверсациональные реплики добавляют новый, семантически значимый для развития темы элемент, а в отдельных случаях меняют иллокутивную силу высказывания.</p> <p>Ru-20. С. 27 В поле зрения исследователей, обращающихся к речи русскоязычных иммигрантов, оказываются, как правило, ее лексические, фонетические, морфологические и синтаксические особенности <...>.</p>
Основная часть	<p>Ru-1. С. 5 Обычно субъект действия и само действие друг от друга независимы в том смысле, что это же действие способен совершить и другой субъект, а данный субъект способен совершить и другие действия. Там, где у действия могут быть разные субъекты, вполне возможно, что индивидуальные черты этих субъектов как-то отразятся на его результате (например, когда данную книгу прочел Иван, она вызвала у него только раздражение, а когда Петр — она его вдохновила к собственному творчеству).</p>

Ru-1. С. 8

Во-вторых, даже если нас смутят некоторые несомненные различия между личным и безличным пассивом (см. особенно [Blevins 2003]), то и, ограничив наши рассуждения пассивом первым, вывод придется сделать точно такой же. Как известно, объект в личном пассиве уподобляется подлежащему в разной, иногда весьма незначительной степени (причем от этого зависят многие свойства соответствующего конкретного пассива; см. [Giv`on 1982] с дальнейшей литертаурой), а «подавление» субъекта происходит всегда.

Ru-1. С. 9

В-пятых, для трактовки пассива как повышения ранга объекта не очень приятно то обстоятельство, что в ряде языков пассив оказывается вежливой формой [Shibatani 1985: 830–839, особ. 829 и 837–839]. Дело здесь в том, что агенс не называется прямо, то есть понижается в ранге (**известно**, что уклонение от прямого упоминания людей — одна из широко распространенных стратегий вежливости).

Ru-3. С. 57

Но, **как известно**, в Подмосковье и ближайших к нему территориях встретились два колонизационных славянских потока: юго-западный вятичский (о топонимических проявлениях которого достаточно сказано выше) и северо-западный кривичский (к кривичам, по мнению многих авторов, добавились позднее и новгородские словене).

Ru-4. С. 8

Эгоцентрики с подразумеваемым субъектом сознания **обычно** эгоцентричны только по умолчанию. Т. е. **по умолчанию** предполагается эгоцентрическое заполнение валентности субъекта сознания, см. (3.3а); а **в принципе**, валентность субъекта сознания может иметь и ненулевое заполнение, см. (3.3б).

Ru-4. С. 8

Эгоцентрики с подразумеваемым субъектом сознания **обычно** эгоцентричны только по умолчанию. Т. е. **по умолчанию** предполагается эгоцентрическое заполнение валентности субъекта сознания, см. (3.3а); а **в принципе**, валентность субъекта сознания может иметь и ненулевое заполнение, см. (3.3б).

Ru-4. С. 8

Эгоцентрики с подразумеваемым субъектом сознания **обычно** эгоцентричны только по умолчанию. Т. е. **по умолчанию** предполагается эгоцентрическое заполнение валентности субъекта сознания, см. (3.3а); а **в принципе**, валентность субъекта сознания может иметь и ненулевое заполнение, см. (3.3б).

Ru-4. С. 12

Изменение исполнителя роли говорящего в нарративе можно представить как нарративную проекцию. В нарративном контексте понять, кем именно заполняется валентность наблюдателя или субъекта сознания (т. е. кто исполнитель этой роли), можно **обычно** только из широкого контекста. В примере (6.3.) слово неожиданно требует субъекта сознания;

а слова кончился <лес> и начались <болота> предполагают идущего — очевидно, он и является субъектом сознания для неожиданно.

Ru-7. С. 4

Раньше в нашей работе было показано, что в «безартикульных» славянских языках, в том числе и в русском, возможно существование лексического выражения категории определенности / неопределенности на дограмматическом, дискурсивном уровне [Касаткина 2008]. В этих языках в роли определенного квазиартикуля **обычно** выступают дейктические местоимения, а в роли неопределенного артикуля — числительное один.

Ru-7. С. 5

В русском языке в роли определенного артикуля **обычно** употребляется местоимение, относящееся к ближнему дейксису: этот, эта, это, эти. Ср. примеры: <...>

Ru-8. С. 22

В русском языке, **как известно**, категория определенности не имеет грамматического выражения, в связи с чем, чтобы узнать, как связан указательный жест с этой категорией, и связан ли вообще, мы рассмотрим некоторые лексические средства, стандартно передающие идею (не)определенности.

Ru-9. С. 56 (описание примера, расходящегося с принятым для рассматриваемого контекста словоупотреблением)

Слово «механический» здесь не случайно взято в кавычки. Хотя Диодор Сицилийский называет это создание Дедала *μηχανη* 'механическое устройство' в противоположность понятиям *eikon* 'изображение, изваяние' или *agalma* 'статуя', которые **обычно** использовались для наименования творений Дедала в древнегреческих текстах, главная цель этого «механического устройства» состояла не в том, чтобы совершать полезную работу, а в том, чтобы посланный Посейдоном Миносу бык воспринял сделанную Дедалом корову как настоящую и пожелал совокупиться с ней <...>.

Ru-9. С. 62–63 (разграничение значений слова *machina* на основе примеров из античной литературы; оправдание применения данного слова к божественным творениям)

Следует обратить внимание на принципиальную разницу между данной и предыдущей группами значений: такие сущности, как универсум, не являются инструментами в традиционном смысле, они не используются для практических целей, таких, как строительство, например. **Обычно** о них говорится как о самостоятельных творениях Бога. В связи с этим возникает вопрос о причине, по которой они называются *machinae*. Кажется, что универсум, небо и другие творения Бога могут быть рассмотрены как инструменты в более широком смысле. О них можно говорить как об орудиях для реализации Божественного замысла, неизвестного людям. Здесь мы сталкиваемся с кардинальной трансформацией античных представлений о космосе и его частях.

Ru-12. С. 36

Во-первых, в обоих языках количество «негативных» кластеров существенно превышает количество «позитивных»: ср.: ‘страх’, ‘гнев’, ‘грусть’, ‘отвращение’, ‘стыд’, ‘жалость’, ‘зависть’, ‘ревность’, ‘обида’ (отрицательные) vs. ‘радость’, ‘гордость’, ‘благодарность’, ‘восхищение’ (положительные).

Возможно, это отражает общечеловеческое когнитивное устройство – нечто плохое, отклоняющееся от нормы, регистрируется сознанием лучше, чем хорошее или соответствующее норме или ожиданиям. С эволюционной точки зрения отрицательные эмоции или, точнее, эмоциональные и поведенческие реакции на отрицательные или опасные стимулы тоже, по-видимому, более востребованы, чем реакции на положительные стимулы, которые не угрожают выживанию. Наконец, **как известно**, язык тоже фиксирует негативное и отклоняющееся от нормы в гораздо большей степени, чем позитивное и соответствующее норме.

Ru-12. С. 43

Resentment **обычно** вызывается событиями и объектами, которые воспринимаются как несправедливое отношение к экспериенсеру (и в этом его близость к ‘обиде’), особенно в ситуации, когда кто-то другой пользуется хорошим отношением или находится в лучшей позиции.

Ru-12. С. 45

Он (гнев) может также выражаться поведенчески, однако это поведение **обычно** направлено не на причинение вреда какому-то конкретному человеку, а скорее имеет целью «выпустить пар».

Ru-13. С. 35

Фонетисты, описывавшие русское произношение, **обычно** не устанавливали общих правил соответствия между произносительными вариантами и отражением их на письме.

Ru-17. С. 64

В едином пространстве функционально-семантического поля **принято выделять** центральную и периферийную зоны. Единицы, входящие в центральную зону, обладают данным семантическим признаком в максимальной степени и выражают данное значение в наиболее обобщенном, абстрактном и простом виде.

Ru-18. С. 12

Когда для установления основного текста мы не можем опираться на достаточно надежные научные соображения, приходится привлекать соображения другого рода – или эстетические, или основанные на традиции, или какие-либо другие такое возникает, скажем, в том случае, когда произведение не было опубликовано при жизни автора, а рукописные источники не позволяют с полной определенностью установить последние варианты тех или иных мест, выявить относительно последних окончательное творческое решение автора. Ситуацию такого рода неопределенности, не позволяющую с высокой точностью обосновать для представления в издании один какой-либо вариант из имеющихся в источниках, можно назвать эдиционной текстологической неопределенностью.

	<p>Такова, по нашему мнению, текстологическая ситуация с Пушкинским «Медным Всадником», точнее — с фрагментом из первой части, связанным с ночным внутренним монологом Евгения, оформленным как его прямая речь. <...> Как известно, при жизни автора поэма не была опубликована.</p> <p>Ru-19. С. 100 Поясним нашу мысль на примере такого метра, как дольник. В современной науке существует представление о том, что дольник произошел от трехсложных метров в результате варьирования междуиктовых интервалов при сохранении константного количества ударений. Стихovedы при интерпретации дольника обычно исходят из того, что генетически это дериват правильных двухсложных и трехсложных размеров (по преимуществу — последних), образующийся в результате отхода от принципа упорядоченности стихов по числу слогов.</p> <p>Ru-20. С. 32 Что касается доминирования, то этот фактор выражен в Киркенесе существенно слабее, чем в цитированном выше описании В. В. Ждановой. Мы можем выделить две основных причины такой слабой выраженности. Во-первых, русские, живущие в Киркенесе, как правило, не стремятся стать норвежцами (хотя, безусловно, есть исключения).</p>
Заключение	—
Паратекст	<p>Ru-12. С. 38 Это может происходить и не только на лексическом материале; так, пресловутый фатализм (пассивность, иррациональность, неконтролируемость происходящего), свойственный русской культуре и языку, отражается, как многократно отмечалось, в некоторых безличных синтаксических конструкциях.</p> <p><u>Ru-15. С. 66</u> <u>То, что для русского языка приводится существительное, а для английского -- прилагательные, не случайно; в английском языке, как хорошо известно [Вежбицкая 1996], именно прилагательные формируют основное ядро лексических средств выражения эмоций, в то время как в русском основные средства выражения эмоциональных состояний – это глаголы, существительные и предикативные прилагательные в конструкции с дательным падежом (мне грустно).</u></p>

2) Актуализация позиции автора в тексте, отличной от общеизвестного положения (11)

Введение	<p>Ru-1. С. 3 Мы думаем, что эти глагольные формы, хотя они все шире допускаются языком, особенно разговорным, все равно маргинальны — по причинам, которые имеют в конечном счете прагматическую подоплеку, однако намного более и сложны, и весомы, чем это обычно предполагается, когда говорят о прагматике.</p>
----------	---

	<p>Ru-11. С. 5 В принципе, русским местоимениям на –либо и –нибудь соответствуют французские местоимения серии <i>quelqu'un</i>. Ж. Веренк отмечает, однако, что в контексте отрицания перевод –либо как <i>quelqu'un</i> мало удовлетворителен, а в контексте сравнительного оборота просто невозможен.</p> <p>Ru-12. С. 23 (О связи любить и жалеть) ... совершенно естественно, тогда как английское словосочетание <i>loves and pities</i> прагматически неадекватно. Поиск по корпусам отражает это распределение: Русский Национальный корпус содержит 21 пример на сочиненное употребление любить и жалеть, Британский Национальный корпус – ни одного примера на сочиненное употребление глаголов <i>love and pity</i>. Хотя в принципе такое сочетание в английском языке возможно, но его употребление ограничено религиозными контекстами.</p> <p>Ru-12. С. 33 В языке, по крайней мере, в европейских языках, принято говорить о положительных и отрицательных, приятных и неприятных эмоциях. Так, лингвистические описания эмоций и многие другие исследования опираются на то, что экспериенсер чувствует нечто «хорошее» (в случае положительных эмоций типа радости, гордости) или нечто «плохое» (в случае страха, гнева, стыда). Однако в мозгу нет специальной зоны, «обслуживающей» все приятные эмоции и отличной от нее специальной локализации для всех неприятных эмоций.</p> <p>Ru-18. С. 4 Главной задачей текстологического исследования произведения письменной культуры традиционно считается установление, во-первых, «эдиционного» текста произведения, то есть текста, подлежащего воспроизведению в научной публикации в качестве основного, и, во-вторых, дополнительных текстов, сопровождающих «эдиционный» в качестве его редакций и вариантов. Однако, как писал Д.С. Лихачев, «для того чтобы изучить историю текста, необходимо его прочесть. <...> Обязательное условие правильного прочтения текста – хорошее знание языка эпохи. К сожалению, огромное количество неправильных прочтений в современных изданиях и исследованиях текстов происходит именно из-за плохого знания языка, на котором написано произведение. Одной начитанности в произведениях эпохи недостаточно: нужно не поверхностное понимание текста, а точное знание орфографических, фонетических, морфологических и синтаксических норм эпохи.» Таким образом, текстология связана тесными узами с языком автора произведения и – шире – вообще с языком того времени, когда произведения было создано. Мы исходим именно из такой точки зрения.</p>
Основная часть	<p><u>Ru-1. С. 27</u> <u>Стандартные определения страдательного залога (например, в [Мельчук 2004]) обычно оговаривают, что по материальному, денотативному содержанию пассивное предложение не отличается от соответствующего активного. Мы думаем, что это не совсем так. Например, временная</u></p>

отнесенность у страдательной конструкции далеко не всегда та же, что у действительной.

Ru-2. С. 46–47

Остановимся отдельно на данных по бессоюзным предложениям, которые традиционно считались особенностью стиха [Ширяев 1982; 1985; 1986].

Действительно, бессоюзных конструкций на порядок больше в стихе, чем в прозе. Бессоюзные сложные предложения очень широко представлены в русской поэзии разных эпох и направлений, являясь регулярной особенностью стихотворного синтаксиса.

В отличие от Е. Н. Ширяева, мы доказали, что бессоюзные конструкции в стихе, как правило, имеют именно сочинительную семантику. Очевидно, что высокий процент бессоюзных предложений напрямую увеличивает сочинительность стихотворного текста, а следовательно, сопоставимость и соизмеримость стихотворных строк. Эта тенденция прослеживается как у всех русских, так у всех французских авторов. Тем не менее, методика Ширяева, в том числе очень удобная подробная классификация типов смысловых отношений между частями бессоюзного предложения, дополненная количественными методами, может в дальнейшем оказаться очень полезной при характеристике индивидуальных предпочтений каждого из исследуемых авторов.

Ru-8. С. 5–6

В статье 1996 г., которая была опубликована в 2003 г. [Clark 2003], Герберт Кларк разделил указательные жесты на две большие группы: «направление» (directing-on) и «размещение» (placing-for). Жесты первого типа **стандартно** считаются прототипическими (иногда единственными) типами указания: говорящий, совершая акт directing-on, привлекает внимание слушающего к объекту указания. Однако, пишет Г. Кларк, когда покупатель кладет на прилавок магазина выбранные им покупки, он не указывает на них продавцу, но при этом продавец прекрасно понимает, что именно эти предметы покупатель собирается купить. Таким образом, и здесь совершается акт указания, однако субъект указания не указывает при этом на объекты в обычном смысле, а располагает их в специально отведенном для покупок месте.

Ru-8. С. 21

Обычно указание пальцем рассматривается как некоторое жестикуляционное действие, которое в любой ситуации имеет одну и ту же внутреннюю форму. Нам кажется, что это не вполне верно. В указывающем пальце, если сравнивать этот жест с указывающей открытой ладонью, в разных ситуациях могут быть актуализированы разные компоненты. Таких компонентов, по-видимому, три.

Ru-11. С. 11–12

Субстантивные местоимения на бы то ни было **обычно** не употребляются в контексте сопредикатного отрицания (примеры Я. Г. Тестельца). Хотя нельзя сказать, что они в этом контексте полностью невозможны.

Ru-18. С. 14

Хотя с установлением окончательного варианта по рукописям обычно

	сложностей не бывает — как правило , это верхний незачеркнутый слов, — исходный вариант иногда устанавливается все-таки предположительно, ибо автор мог, не дописав еще строки, зачеркнуть и заменить ее начальный фрагмент.
Заключение	—
Паратекст	—

3) Введение и объяснение типичного примера, понятия (12)

3а) введение определения понятия (3)

Введение	<p>Ru-4. С. 3</p> <p>Согласно общепринятым представлениям, говорящий — это то лицо, которое делает в данный момент в данном месте данное высказывание, адресованное другому лицу, предположительно находящемуся в том же месте и в зоне видимости. В такой функции говорящий проявляет себя, например, в семантике дейксиса, который позволяет идентифицировать лица, объекты, места, отрезки времени и т. д. через их отношение к речевому действию говорящего — индивидуальному, единовременному событию.</p> <p>Ru-17. С. 59</p> <p>В словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой сожаление определяется как «1. Чувство печали, скорби, вызываемое утратой чего-л., невозвратимостью чего-л.; Раскаяние, горечь, вызванные совершенной ошибкой, каким-л. поступком и т.п. Чувство огорчения по поводу чего-л. 2. Жалость, сочувствие, сострадание к кому-л.». Сожаление обычно соотносится с каким-то нежелательным действием или поступком, который был совершен ошибочно и/или привел к печальным последствиям, или с какой-то утратой.</p>
Основная часть	<p>Ru-8. С. 4</p> <p>Прототипическим указательным жестом традиционно считается коммуникативное (т. е. предназначенное для передачи информации) движение того или иного органа человеческого тела, обозначающее некоторый вектор, исходной точкой которого является точка местонахождения говорящего (субъекта указания); этот вектор обозначает направление к объекту указания, точку его расположения и сам объект указания; указательный жест производится в интересах слушающего, т. е. направлен на привлечение его внимания; <...></p>
Заключение	—
Паратекст	—

3б) Введение примера (9)

Введение	<p>Ru-12. С.25</p> <p>Похожая ситуация описывается в работе Константа «The emotions of the ancient Greeks» на примере древнегреческих и английских слов со значением эмоций, например, греческого слова <i>philia</i>, которое обычно переводится на английский язык как <i>love</i> 'любовь' (хотя в каких-то</p>
----------	---

	<p>отношениях семантически уже, чем love, поскольку не описывает ситуацию эротической любви).</p>
<p>Основная часть</p>	<p>Ru-1. С. 19 (54) Поварами этого ресторана готовится несъедобная дрянь. Для (54) наиболее вероятная супертема — нечто в духе 'происходят возмутительные вещи'. Как хорошо известно, позитивный сценарий событий мы часто предполагаем по умолчанию, а сценарий, который нас не удовлетворяет, — нет. Поэтому фраза (54) и требует прямого предварительного указания на возмущение говорящего.</p> <p>Ru-1. С. 27 Например, слово некоторые обычно несет импликацию 'не все', но ее нет в противоречащем ей контексте типа некоторые и даже все (другие примеры с этим словом приводятся в [Matsumoto 1995]).</p> <p>Ru-4. С. 15 В чем же дело с примерами (7.12a) – (7.12г)? Неужели говорящий включен в толкование хотя бы напрасно? Конечно, нет. Дело в том, что хотя бы употребляется в этих примерах в гипотаксическом контексте, где говорящего обычно заменяет субъект матричного предложения. Так что описание в [НОСС], которое приписывает хотя бы эгоцентрическую валентность, выдерживает проверку на адекватность, а гипотаксическая проекция получает подтверждение на новом материале: хотя бы относится к тем словам, которые должны находиться в сфере действия того или иного предиката пропозициональной установки, см. о таких словах [Падучева 1985/2009: 141, 142].</p> <p><u>Ru-10. С. 134</u> <u>Известно, что источником палатального [n'] в меннонитском нижненемецком диалекте являются сочетания nd и ng после гласных переднего ряда в ауслауте или интервокальном положении (так, zinjje „singen“, finje „finden“)</u> [Найдич 2003: 239]. Соответственно, в данном случае литературное <i>finden</i> (претерит от <i>fangen</i>) предстает в речи информанта в диалектизированной форме <i>finje</i>: оно при этом не воспроизводит диалектный аналог (вторая форма этого глагола в диалекте — <i>fong</i>), но преобразуется по свойственной диалекту фонетической модели.</p> <p>Ru-13. С. 36 На письме обычно передается фонемный состав слова и поэтому не отражаются изменения произношения, вызванные контекстным влиянием звуков друг на друга, коартикуляцией – ассимиляцией и аккомодацией.</p> <p>Ru-15. С. 65 У английского <i>sad</i> есть близкий синоним <i>unhappy</i> 'грустный, невеселый, несчастный', который обычно не употребляется в случаях, когда эмоция не вызвана какой-то внешней или внутренней, психологической причиной.</p> <p>Ru-15. С. 77 Pity и жалость – весьма близкие корреляты и в то же время слова с</p>

	<p>достаточно широким значением; их семантические дериваты, напротив, семантически специализированы. Так, например, прилагательные жалкий и pitiful обычно используются для обозначения объектов, вызывающих презрительную жалость, в то время как прилагательные жалобный и piteous используются для обозначения поведений, целью которых является вызвать благожелательную жалость.</p> <p>Ru-16. С. 23 Упомянутые типы ошибок принадлежат к числу синтетических, что соответствует синтетической доминанте грамматического строя русского языка. Как известно, аналитическим способом в русском языке образуется сравнительно небольшое количество форм, в частности, формы будущего сложного и некоторые (малоупотребительные) формы императива.</p>
Заключение	—
Паратекст	—

4) Обобщение выводов на основе полученных данных (8)

Введение	
Основная часть	<p>Ru-6. С. 72 (выделение основных тенденций политики немецких оккупантов в области топонимии; перечень; сравнение переименованных улиц в разных городах) Итак, первым направлением введения новых топонимов стало исключение из названий советских терминов. Новые названия, как правило, были либо возвращением дореволюционных, которые не использовались более двадцати лет; либо легитимным закреплением названий, конвенционально использовавшихся местными жителями.</p> <p>Ru-6. С. 83 (описание социальных реалий рассматриваемого периода; акцент на роли языка в межчеловеческих отношениях; далее следует частный исторический пример) Существовало и взаимное притяжение, и взаимный интерес женщин и девушек на оккупированных территориях к немецким солдатам и офицерам. Как правило, чаще налаживались взаимные отношения, если девушки немного говорили по-немецки или знали язык.</p> <p>Ru-12. С. 36 Во-вторых, в каждом кластере наблюдается определенная градация эмоций, в первую очередь по интенсивности. Обычно выделяется нейтральное выражение для обозначения естественно степени эмоции, адекватной стимулу, лишенное как отрицательной, так и положительной оценки говорящего: страх и fear, отвращение и disgust, стыд и shame, радость и joy.</p> <p>Ru-12. С. 36 Чрезмерная степень эмоции, не адекватная стимулу, поведение, вызванное чрезмерно сильной эмоцией, а также чрезмерная предрасположенность к какой-то эмоции, даже положительной, обычно маркируется негативно; ср.: трусость и cowardice (поведение, вызванное</p>

	<p>неспособностью справиться со страхом).</p> <p>Ru-12. С. 37 Нежелательные эмоции обычно возникают как реакция на непреднамеренные стимулы: вызывать отвращение и to disgust, печалить и to sadden, сердить и to anger, раздражать и to irritate.</p> <p>Ru-12. С. 37 Эмоции, каузируемые объектом, могут, как правило, быть направлены и на самого экспериенсера, однако только в том случае, если они не являются сильными и неконтролируемыми, а также не предполагают поведенческих реакций.</p>
Заключение	<p>Ru-8. С. 26 Как видим, у местоимений тот, этот различие между объектами указания («объект» vs. «ситуация») не оказывает влияния на выбор органа указания. Напротив, для жестикуляционного сопровождения частиц вон, вот различие в типе объекта указания оказалось достаточно важным: для указания на объекты выбирается обычно УП (указательный палец), для указания на ситуации — ОЛ (открытая ладонь).</p> <p>Ru-16. С. 27 Дистрибутивный анализ русского глагольного корпуса выявил более высокую чувствительность взрослого к ошибкам формообразовательного характера. Реакции взрослого в ответ на эти ошибки имеют, как правило, метадискурсивный характер, в то время как реакции на ошибки ребенка, сделанные при неконвенциональном употреблении глаголов, являются преимущественно конверсациональными.</p>
Паратекст	—